ДБ
370
Д28

"Декабристы
в
Минусинском
округе"

Минусинск,
1925.

АБ
1-0
А-28

ЕЖЕГОДНИК
Государственного Музея имени Н. М. Мартьянова
в г. Минусинске

Т. III. Выпуск II.
1925.

Вышел из печати 20 ноября 1925 года.

ДЕКАБРИСТЫ
В МИНУСИНСКОМ ОКРУГЕ.

К 100-летнему юбилею восстания декабристов.

1825—26 (14) декабря—**1925**

500/1

МИНУСИНСК.
Государственная типография.
1925 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ватин-Быстрянский, В. А. Политическая ссылка в Минусинске . . . . . 1—34

Косованов, А. П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова . . . . . 35—66

Его-же. Новые страницы из жизни минусинских декабристов . . . . . 67—84

Дб
370
Д-28
Минусинск
1926.

В. А. Ватин-Быстрянский.

500
1.

Политическая ссылка в Минусинске.

(Декабристы. Польские повстанцы.)

I.

Вряд ли найдется уголок Сибири, не видавший у себя политических изгнанников. И поэтому местный историк не может обойти в своих работах роли последних в жизни края, прошлое которого он изучает.

Сибирь, по словам Словцова, „не видавшая у себя великих мира, кроме великих изгнанников его“,[1]) хранит о последних благодарное воспоминание; культурная деятельность политических изгнанников является блестящей страницей в истории сибирской общественности. Политические ссыльные не переводились в Сибири с давних времен. По остроумному замечанию Г. В. Плеханова, судьба Юрия Крижанича, одного из первых русских панславистов, пробывшего невольным жителем Тобольска в течение 15 лет (1661-1676), прообразует собою судьбу большого числа русских „интеллигентов“.[2]) Но массовой характер политическая ссылка приняла только в XIX веке, на протяжении которого тянется непрерывающаяся традиция борьбы за раскрепощение страны. Выдвигаемые экономическим развитием на историческую сцену общественные классы по очереди держали в руках знамя политического освобождения страны: либеральное дворянство, руководившее движением декабристов, пришедшая ей в половине века на смену разночинная интеллигенция и, наконец, созданный развившимся к концу столетия капиталистическим способом производства рабочий класс...

---

[1]) Историческое обозрение Сибири, СПБ. 1886. стр. XXI,

[2]) История русской общественной мысли, Том I, СПБ, 1914, стр. 303

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ НАРОДОВ ВОСТОКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
59917

Но старый порядок держался еще крепко, и жестоко мстил побежденным врагам. Их ждала печальная участь: каторга или ссылка в Сибири...[1]) В этой заброшенной окраине России, с редким населением, со слабой экономической и классовой дифференциацией носители новых идей казались власти неопасными.[2])

[1]) Ссылка в отдаленные места—обычный удел борцов против господствующего политического уклада при самых разнообразных общественных формациях. Римские цезари, по рассказу Тацита, отправляли побежденных врагов своего господства на пустынные острова Средиземного моря или в окраинные провинции государства (вспомним судьбу Овидия.) Французские буржуазные правительства XIX-века ссылали поборников нового общественного идеала, жертв июньской бойни 1848 года и борцов Парижской коммуны 1871 г., в Алжир, Кайенну, в Новую Каледонию..

[2]) Впрочем в скором времени власть признала свою ошибку. Ссыльные оказались пионерами демократических идей и в отдаленных местах Сибири. Еще ген. лейт. Броневский, бывший в 30-х годах генерал-губернатором Восточной Сибири, заявлял в 1834 г. имп. Николаю на аудиенции, что „преступники из простонародья благоговеют к предержащей власти; но происходящих из высшего сословия (политических преступников) не следовало бы туда ссылать ... они мало-помалу разсеивают свои идеи и, превратно толкуя о правительстве, могут быть вредны". Н. Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири, СПБ, 1910, 64—5. В 1882 г ген. лейт. Анучин писал государю: „Ссылка и содержание в Сибири едва-ли образумили кого-нибудь из них (государственных преступников), вернее, что они сделались еще ожесточеннее. Высланные, как приверженцы анархической партии, они не скрывают в местах высылки своих убеждений и открыто высказывают превратные суждения. Следует сказать откровенно: правительство само и на собственный свой счет, путем ссылки распространяет анархические учения в таких местах, где, как в Восточной Сибири, ничего подобного не слыхали и не знали. Было уже несколько увлечений в среде местной молодежи и нельзя серьезно не опасаться за дальнейшее распространение смуты". Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880—1881 гг. (Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью том I, выпуск I, Ирк. 1884, стр. 119). „Последняя современная ссылка разнесла широко по Сибири современные демократические идеи, результаты чего несомнено скажутся со временем", пишет Вацлав Серошевский в своей статье „Ссылка и каторга в Сибири" (Сибирь, ее современное состояние и ее нужды, сборник статей, СПБ, 1908, 230). Политическая ссылка .: являлась резервуаром, из которого в местные соц.-дем. организации притекали новые силы старых опытных партийных работников, пишет Зайцев. („Общественное движение в Сибири", отдельный оттиск из „Образования" за 1906 год, стр. 67) И действительно, если в памятные дни 1905 г. молодая сибирская демократия стояла в первых рядах российского освободительного движения, если в Сибири последнее дошло до высшей ступени—захвата власти

II

Первая массовая политическая ссылка в XIX веке связана с движением декабристов,—этой попыткой класса прогрессивных дворян перестроить политический уклад России сообразно изменившимся хозяйственным условиям.

Не было в Сибири такого глухого угла, куда бы не был заброшен кто-либо из побежденных борцов. Дал им приют и Минусинск: уже вскоре после его переименования в город в 1823 г. он стал служить местом водворения политических изгнанников.[1])

Первые сведения о декабристах в Минусинске мы почерпаем из доклада Маслова. Полковник корпуса жандармов Маслов, отправленный по высочайшему повелению в Сибирь для собрания сведений о ссыльных государственных преступниках и наблюдения за их сношениями и связями, представил в 1829 г. донесение о преступниках, находящихся в тех местах, которые он посетил.

В Минусинске в это время проживало два декабриста, Краснокутский и Кривцов. По словам Маслова, „Краснокутский (бывший обер прокурор Сената)[2]) построил себе в Минусинске домик, завел большой огород, запасся скотом и всеми потребностями жизни, знаком со всеми минусинскими чиновниками, занимается переводом географии Мальте Брюна, обрабатыванием огорода, разведением табачной рассады и вишневых дерев, а иногда рыбною ловлею. Получает лучшие огородные семена и снабжает ими городских и деревенских жителей, получает разные журналы и газеты, любит рассуждать о судопроизводстве. Когда его привезли в Минусинск, жители не хотели дать ему квартиры; городничий принужден был отвести ему комнату у себя. Пособие он получает от тетки своей действительной

(вспомним знаменитые „республики“ Красноярскую, Читинскую, Владивостокскую), то мы должны в значительной степени привести эти успехи в связь с просветительной работой ссылки,..

[1]) См. наши статьи в газете „Минусинский Край“ за 1914 год: „Декабристы в Минусинске“ (№№ 13, 17, 26) и „Новые данные о декабристах в Минусинске (№ 119).

[2]) „Донесение следственной комиссии по делу декабристов“ относит Краснокутского к Южному обществу (Русский Архив, 1881, книга II, стр 319, 335). Между тем В. И. Семевский называет его членом Северного Общества (Общественные и политические идеи декабристов СПБ, 1909, 657).

тайной советницы, Тамары, от сестер и обер-прокурора Кочубея.“ [3])

Краснокутский был первым декабристом, поселенным в Минусинске. Первоначально его сослали в Якутск, а затем уже, по просьбе родных, перевели в Минусинск—затем в июле 1829 г. в Минусинск прибыл Кривцов.

Отпрыск старинной дворянской семьи, артиллерийский офицер Сергей Иванович Кривцов был принят Пестелем в члены Южного общества во время его приезда в Петербург для переговоров с главарями Северного общества в марте 1824 года. В тайном обществе Кривцов не играл видной роли, он был арестован в январе 1827 г. и осужден приговором верховного суда в каторжные работы на 4 года; по коронационному помилованию срок был ему сокращен до одного года. Каторгу Кривцов отбывал в Читинском остроге, в июне 1828 г. он был выпущен на поселение в Туруханск.

В январе 1829 г мать Кривцова подала прошение на имя императрицы о переводе сына в какое-либо более обитаемое место Сибири. Это прошение увенчалось успехом, 25 февраля 1829 г. секретарь императрицы Шамбо известил об этом Веру Ивановну Кривцову письмом на французском языке: „по высочайшему повелению, сейчас полученому мною от ее имп. вел. государыни имгератрицы, спешу уведомить Вас, что перемещение Вашего сына будет произведено и что он будет переведен в г. Минусинск, если соответствующие власти не найдут препятствий к этому перемещению.“

Между тем сам Кривцов только в начале марта 1829 г. мог ответить на ноябрьское письмо сестры, в котором она спрашивала его, куда бы он хотел быть переведен. Он отвечал, что не понимает цели ее вопроса, но если уже она желает знать, то он назвал бы Минусинск, как такое место, где природа и климат по слухам очень хороши, „но зачем тешить себя пустыми надеждами?“

Легко себе представить, как были обрадованы мать и сестра Кривцова, получив это письмо: место, назначенное для перевода Кривцова, совпало с его желаниями... Еще 5 февраля сестра Кривцова, очевидно, желая подготовить его, писала ему, что по какому-то предчувствию она с уверенностью ждет какой-нибудь счастливой перемены в его

3) Доклад Маслова напечатан в „Современнике“, 1913, сентябрь, 323 сл.

судьбе, всего вероятнее-перевода в другое место. Сестра Анна Ивановна еще не знала тогда ничего о судьбе прошения, но из ее письма Кривцов узнал все же о своем переводе: на этом письме чьей-то рукой была приписана и отделена чертой одна строка. „Вы переводитесь в Минусинск через два месяца. Красноярск."

В начале июня 1829 г Кривцов тронулся из Туруханска. I июля 1829 г он писал матери из Красноярска: „благодаря неусыпной заботливости Вашей и милостивому снисхождению государя императора, я оставил Туруханск и благополучно прибыл сюда, откуда на сих днях отправлюсь в Минусинск".

„Все, которые там бывали, с восхищением говорят о том крае, называя оный здешней Италией. Итак, почтенная матушка, благодаря стараниям Вашим, я увижу еще раз обработанные поля, увижу горы и по ним бродящие стада. И сколь восхитительна мне покажется сия картина после топкого болота, в котором я целый год находился и где думал окончить дни свои."

Как видим, уже тогда Минусинский край называли Сибирской Италией. Но в Европейской России этому плохо верили: мать просит Кривцова написать ей подробно о Минусинске и его жителях: есть ли там такие люди, которых можно назвать людьми.

Кривцов прибыл в Минусинск около 15 июля 1829 г. Он был принят Краснокутским, как родной, и поселился у него. Краснокутский был холост, с ним жила его старая тетка. Кривцов писал о нем, что он пользуется общим уважением за кротость, ровность характера и мужество, с которым он переносит свои страдания. Кривцов в короткое время ожил в Минусинске телом и душою. Его письма дышат довольством, почти счастьем. Первым делом он завел себе полудикую лошадь, которую об'ездил и приучил. Весь день он копается в саду и на огороде, поливает цветы и овощи, кормит кур, гусей и индеек, ездит верхом, а вечером гуляет, исхаживая верст по десяти; туруханская безсонница давно оставила его, здоровье значительно поправилось

Задушевным другом Кривцова стал Кузьмин, окружной начальник. Кривцов с Краснокутским жили очень комфортабельно: дом был просторный и красивый, 5 человек прислуги, обед из 5 блюд. За лето Кривцов окреп, зима прошла легко и приятно, а с весны он снова занялся хозяйством по

саду и огороду. 26 августа 1830 г. он пишет: „теперь солю огурцы, грибы, наливаю наливку и пр. и пр. и вобще исправляю должность домовитой хозяйки.“ [1])

Маслов писал о Кривцове в своем донесении, что „он живо чувствует свое наказание и искренно сознается в своей вине.“ [2])

В сентябре 1831 г. Кривцову пришлось расстаться с Краснокутским: последнему разрешено было ехать на воды в Иркутскую губернию. Эта разлука была очень тяжела Кривцову: „надеюсь-пишет он, что путешествие сие принесет ему желаемую пользу“ Краснокутский не доехал до вод; нездоровье задержало его в Красноярске, где он остался надолго. [3])

Как сообщает в своих записках барон Розен, „первое время Краснокутский чувствовал себя в Минусинске сносно“, но через несколько лет почувствовал большое расслабление в ногах, в коленах и бедрах, так что не мог ходить иначе, как опираясь под руку и на плечо двух проводников, ноги его плелись, как веревки, и наконец ноги отнялись совершенно ,Когда Краснокутский жил в Красноярске, родные просили для него позволения пользоваться сибирскими минеральными водами, в чем было им отказано. В 1841 г Краснокутский был переведен в Тобольск, где и умер [1])

Кривцов недолго прожил один в Минусинске, всего он пробыл там два года. Он был переведен рядовым на Кавказ опять по ходатайству матери перед императрицей. 22 сентября 1831 г. генерал Потапов извещал Веру Ивановну, что государь император, снисходя на ея просьбу по свойственному его величеству милосердию, всемилостивейше повелел определить Сергея Кривцова в 44-й егерский полк, состоящий в Кавказском корпусе, „в надежде, что он в полной мере восчувствует сию монаршую милость и потщится оправдать оную своею усердною службою и безукоризнен-

---

[1]) Все приведенные выше сведения о Кривцове заимствованы из монографии Гершензона. „Декабрист Кривцов и его братья“, М. 1914. СПБ. Ср. донесение следственной комиссии по делу декабристов, „Русский Архив“, 1881, книга II, 300. Семевский, Общественные и политические идеи декабристов. 200, 490, 655. Ср. П М. Головачев. Декабристы. 86 портретов Москва 1906 114-115.

[2]) „Современник“, ibid.

[3]) Гершензон, Ор. с., 253—4.

[4]) Записки, часть II, глава XI. О пребывании Краснокутского в Красноярске ср. Беляев, Воспоминания, 264,

ным поведением". 15 ноября помечены сохранившиеся в бумагах Кривцова шутливые стихи: „На отъезд в Грузию Сергею Ивановичу Кривцову от А. Кузмина".

Много лет спустя Кривцов вспоминал, как он стяжал благодарность минусинцев, построив на свой счет мост через реку, стоимостью в 20 руб. серебром; раньше моста не было и телеги не могли переезжать на другую сторону, а пешеходы с риском перебирались по грясущимся доскам.

После отъезда из Минусинска Кузьмин занял тот дом, где жили Кривцов и Краснокутский.[1])

Затем прибыли в Минусинск декабристы братья Беляевы. Александр Петрович Беляев вместе со своим братом Петром Петровичем[2]) были отнесены верховным уголовным судом к разряду преступников и присуждены к 12 годам каторги. Каторгу они отбывали в Читинском остроге. Рождение вел. кн. Михаила Николаевича, в 1832 г. было ознаменовано сокращением срока работ, и Беляевых выпустили на поселение. Петра назначили в Минусинск, „прекрасное место на Енисее", Александра же отправили в Ильинский завод на Лену.—Любопытный штрих для характеристики отношений власти к декабристам: как разсказывает Александр Беляев, в бытность его с братом в Иркутске, их посетил сам генерал-губернатор Лавинский, весьма любезно разговаривал с ними, но объявил, что по воле государя они будут поселены по одиночке: „это, впрочем, впоследствии, сказал он, может измениться, но теперь так приказано".[3]) „Лавинский, продолжает Беляев, приказал мне написать коротенькую докладную записку, в которой я просил его

---

[1]) Гершензон, ibid.

[2]) Об Александре Беляеве см. донесение следственной комиссии, ibid. 309, 310; Семевский, Op. C., 102, 111, 114, 176 и др. т. д.; о Петре Беляеве ibid 107, 223, 257, 491. Ср. также статью А. Елачича. в новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, т. IX, ст. 47-8.

[3]) Интересно сопоставить с этим любопытные сведения, сообщенные П. Е. Щеголевым в его заметке: из резолюций императора Николая I о декабристах („Голос Минувшего", 1913, ноябрь, 194 сл.) В декабре 1832 г. был представлен Николаю Павловичу список государственных преступников, которые в силу указа 8 ноября 1832 г. подлежали освобождению от каторжных работ и водворению на поселение. Государь собственноручно разместил на списке, куда и кого отправить на поселение. Но вышло так, что генерал-губернатор Восточной Сибири, до получения Высочайших указаний, собственной властью разместил преступников по разным местам Иркутской и Енисейской губерний. Возник вопрос: может ли он оставить их на местах поселе-

ходатайствовать пред государем о переводе меня к брату".[1]) Ходатайство Беляева было уважено, и он получил разрешение ехать к брату в Минусинск. Здесь братья Беляевы прожили до 1840 года, когда, были определены рядовыми на Кавказ...

Александр Беляев оставил обширные записки под заглавием „Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 г., напечатанные в „Русской Старине" за 1880—81 и 1884-86 г. г.; часть I вышла отдельно (СПБ. 1882). Стиль Беляева слащав, настроение чувствительное; мечтательный восторг, умиление, вздохи, слезы невольно навертывающиеся на глаза,—все это мы находим в изобилии на страницах „Воспоминаний". Жизни в Минусинске посвящена глава XIV. О годах ссылки Беляевы сохранили самое светлое воспоминание.

Бросается в глаза близость и приятельские отношения устанавливавшиеся у декабристов с чинами администрации; так окружной Начальник Кузьмин был задушевным другом не только Кривцова, но и Беляевых.[2]) Это вполне понятно: бюрократия была в то время единственной представительницей интеллигенции в Минусинске.

„Интеллигенцию в Минусинске составляли чиновники разных ведомств, которых считаю долгом помянуть добрым словом за то участие и ту приязнь, какую все они оказывали нам во все время нашего там пребывания", говорит

ния или должен переместить согласно с новыми указами. О недоуменном положении генерал-губернатора III отделение сделало всеподданнейший доклад, который и был на рассмотрении 27 марта 1833 года Против фамилий Беляева, Одоевского, Фаленберга и Мозгана, поселенных на заводских селениях Иркутской и Енисейской губерний, положена была Государем резолюция: „на заводских селениях, как ныне так и впредь не жить; отправить в другие места".

[1]) Воспоминания, стр. 246.

[2]) Крайне характерен рассказ Беляева о том, как он, приехав в Минусинск, явился к окружному начальнику: „когда я объявил ему, что прислан на поселение и назвал свою фамилию, он очень обрадовался, сказал, что уже давно они с братом моим ожидали меня... он дружески расцеловался со мною, тотчас послал за братом и велел дать чаю". Ор. С., 268. Минусинским декабристам не приходилось жаловаться на произвол и всевозможные придирки со стороны администрации, что таким тяжелым гнетом ложилось на жизнь декабристов в Сибири См. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири, СПБ, 1905 passim.

Беляев.[1]) Окружной начальник, городничий, земский исправник, командир инвалидной команды, казначей, доктор.— Вот все то доброе, простое общество, между которым мы прожили 7 лет нашей ссылки", прибавляет Беляев.[2])

Беляев рисует и времяпрепровождение местного общества: „Все чиновное общество Минусинска осенние и зимние вечера проводило за картами, продолжает он: разумею одну мужскую половину; дамы же обыкновенно собирались поболтать кое о-чем и чаще, разумеется, здесь, как и везде, о нарядах и модах, почерпаемых из какого-нибудь губернского образчика, иногда потанцовать под скрипку какого-нибудь музыканта, выращенного на крепостной почве и за что-нибудь сосланного на поселение... Ни одни именины не проходили без вечеров и ужинов, даже роскошных по обилию кушаний, вин и закусок". „Из этого можно видеть, что в Минусинске, не менее всех других уездных городов, жили общественной жизнью, веселились по своему, и обильно угощали гостей.[3])

Беляев сообщает интересные факты о развлечениях минусинцев. „На святках играли в фанты, наряженные разъезжали по домам, везде принимались и угощались. Но надо заметить одну черту в угощении; собственно принадлежащую Минусинску или вообще тому краю. Это-угощение неподслащенною и крепчайшею наливкой, непременно перед чаем подаваемою; другая особенность это-настойчивое подчивание, что, конечно, доказывает прекрасное качество хозяев, их радушное гостеприимство и твердое желание, чтобы гость был вполне упитан, упоен и вынес из дому полное довольство".[4])

Традиционные увеселения минусинского общества уходят своими корнями довольно далеко в прошлое: Беляев рассказывает, что „в Минусинске составлялись гулянья первого мая и в троицын день; а при Александре Кузьмиче одна-

[1]) Op. C., 270. Так называемое „общество" в сибирских городах состояло из купцов и чиновников, так как поместного дворянства в Сибири вовсе не существовало. А. Н. Белоголовый. Воспоминания, 4-е изд. СПБ. 1901, 58. Но в Минусинске в 30-х годах еще не было культурного купечества, так что „интеллигенцию" составляли одни чиновники.

[2]) Op. C., 283.

[3]) Op. C., 287-89. Устраивались на вечерах и танцы. ibid.

[4]) Op. C., 289. Ср. описание увеселений в Кургане в записках декабриста барона А. Е. Розена, часть II, глава XII.

жды устроилось довольно далекое плавание целой флотилией, сперва по Енисею, а потом по Абакану.. в инородческую Абаканскую думу, расположенную на самом берегу..

После ужина был устроен фейерверк, на который собрались все инородцы из дальних и ближних улусов. Их восторги и удивление выражались в самых разнообразных возгласах; а когда пустили шутиху, то вся толпа пустилась бежать, сперва с криками ужаса, а потом с хохотом, когда убедились, что вреда от этого огня не было". [1])

Еще до прибытия Александра Беляева в Минусинск его брат Петр занялся там разведением табаку. Вместе с окружным начальником он составил товарищество на табачную плантацию и у них хорошо вырос табак, на который был большой спрос со стороны инородцев. Но затем Беляев бросил табаководство.

Сначала Беляевы занялись было рыбной ловлей, но вскоре увидели, что из рыболовства им не извлечь никакой пользы. [2]) Тогда они обратились к сельскому хозяйству.

Братья купили себе домик, взяли в аренду за бесценок пахотную землю в количестве 60 или 70 десятин. Купили лошадей, бороны, наняли работников и „сделались в полном смысле фермерами". Когда земледелие стало их постоянным занятием, они с братом чередовались по неделе. В понедельник один из них уезжал на пашню, а другой оставался дома и занимался в школе, которую они устроили по просьбе мещан, крестьян близь лежащих сел и некоторых чиновников.

[1]) Op. C., 287.

[2]) Беляев справедливо восхищается берегами Енисея. „Это высокие скалистые горы, с самыми фантастическими и разнообразными очертаниями. Иногда эти утесы нагромождены один на другие, как будто какая-то страшная сила внезапно окаменила волновавшуюся массу и она стала хребтом гор... В русле Енисея, окаймленном гигантскими по высоте берегами, быстрота его почти водопадная .. Правда, что эта новая для нас кочевая жизнь среди чудной природы была восхитительна и доставляла самые чистые, высокие наслаждения, но по трудности переездов, перекочевки с одного места на другое и по ничтожной выгоде мы его оставили. Промыслом этим мы занимались несколько месяцев; увидев, что он кроме стола давал не более того, что стоил нам рыбак, мы его прекратили, имея всегда рыбу очень дешево, так как фунт красной рыбы продавался по двадцати копеек ассигнациями". Op. C., 292-5.

Пашня Беляевых была расположена в двадцати верстах от города на значительной возвышенности. Почва была превосходный чернозем.[1])

Братья сами сфабриковали молотильную машину и молотили на ней хлеб. Они сделались поставщиками на золотые прииски, продавали на них муку, крупу и говядину.[2])

В своих попытках найти себе заработок политические ссыльные и в то время наталкивались на препятствия со стороны высшей администрации, всячески отравлявшей им существование. Жизнь декабристов на поселении, по словам Максимова, „преисполнилась наибольших затруднеиий и лишений, чем даже в самых казематах.[3])

Братьям Беляевым не пришлось воспользоваться предложением золотопромышленника Кузнецова, на приисках которого открывалось место с жалованьем в четыре тысячи рублей; для этого нужно было выехать из города на прииски; окружной начальник запросил генерала-губернатора, тот представил об этом в III отделение, откуда было в этом ходатайстве отказано. Не было также разрешено Петру Беляеву занять должность управляющего овчарней.[4])

Братья Беляевы написали шефу жандармов гр. Бенкендорфу, просили его ходатайства перед государем о разрешении им снимать в аренду казенные земли, делать промышленные постройки и просили, чтобы им была предоставлена свобода действий для их обеспечения,[5]) так как они не прибегали к пособию правительства, которое неимущим декабри-

[1]) Ор. С. 296.

[2]) Ор. С. 312.

[3]) „Сибирь и каторга", часть III, СПБ. 1871, стр. 261. „Новое общественное положение на поселении стало несравненно тяжелее и, если бы не нравственные запасы в тюрьме .. положение их (декабристов) было бы безисходным".

[4]) Беляев. Ор. С., 295. Окружной начальник определил даже временно Петра Беляева управляющим овчарней, но через несколько месяцев был получен отказ.

[5]) Вспомним, что сенатский указ 29 мая 1827 г., изданный по представлению бывшего сибирского генерал-губернатора Сперанского и позволивший выдавать крестьянам из посельщиков свидетельства на торговлю, не распространял этого дозволения разъездов вне мест ссылки на тех, которые ей подвергнуты по приговору Верховного Уголовного Суда. Максимов, III, 261. Как видим, положение политических ссыльных в те времена во многих отношениях походило на нынешнее, регулировавшие жизнь ссылки положения закона, дававшие хоть какой-либо простор ссыльным, не применялись к политическим ссыльным, между тем как уголовные ссыльные подходили под их действие.

стам выдавало по 200 рублей. На это письмо последовало высочайшее повеление не стеснять Беляевых в их хозяйственной деятельности, и им было разрешено снимать в аренду казенные земли на основании общего закона.

Тогда они сняли несколько сот десятин пахотной и сенокосной земли, по 5 коп. за десятину. Для скотоводства они заарендовали за 15 руб. ассигнациями остров, прилежащий к городу и отделенный от него протокой Енисея.

„На острове, в пяти верстах от города", пишет Беляев, „мы устроили заимку с дворами для скота, с избой для пастухов и чистою комнатою для нашего приезда. У нас было 200 голов рогатого скота, в том числе 20 коров доилось и продавалось масло, быки же продавались нагульными гуртовщикам. Местоположение нашей заимки было по истине восхитительно. На самом берегу, на так называемой забоке, то есть низменной полосе берега, подходящей к самой реке, был выстроен небольшой домик. От самой забоки берег поднимался уступами на огромную высоту"...

На уступах, как бы громадных ступенях гигантской лестницы, по обеим сторонам были раскинуты прелестные березовые рощи, а вершина представляла огромный каменистый кряж составлявший берег Енисея. Вид с высокого берега на гигантскую реку с ея лесистыми островами был поразительно величествен. Заимка наша с татарскими юртами внизу представлялась в виде карточных домиков. В юртах помещались пастухи, татары с их семьями: мужья пасли скот, а жены и дочери доили коров и пасли телят". Беляевы часто приезжали из города на заимку для гулянья „но было время, пишет автор „Воспоминаний", когда удовольствие гулянья отравлялось тучами мошек и комаров" [1])

Дела братьев Беляевых шли довольно хорошо, когда они по высочайшему повелению в 1840 г были определены рядовыми на Кавказ. Дом свой они продали, а хозяйство с лошадьми и скотом во всем объеме передали Мозгалевскому, сначала из третьей части дохода, а после его смерти, которая скоро последовала, отдали совсем его жене. [2])

По поводу определения Беляевых рядовыми на Кавказ автор „Воспоминаний" пишет: „Для нас милость эта государя была совершенною нечайностью. Она радовала нас тем, что подавала надежду увидеть милых родных и

[1]) Op. C., 330 сл.
[2]) Op. C., 335.

свою дорогую родину, но и печалила тем, что оканчивалась наша хозяйственная деятельность, совершенно изменилось течение жизни, к которой мы уже привыкли, и оставляли добрых друзей, нас полюбивших“...[1])

13 марта 1840 г. Беляевы уехали из Минусинска. Им были устроены торжественные проводы. „Мы были так счастливы общею любовью, что проводы наши продолжались несколько дней. Каждый день нас приглашал кто-нибудь на прощальный обед, и каждый вечер мы проводили где нибудь посреди всех наших друзей... При выезде нашем нас провожало до десяти саней“.[2])

Через три года после прибытия Беляевых в Минусинск туда же приехали декабристы братья Крюковы. „Какая была радость, пишет Беляев, когда в один прекрасный летний день мы увидели остановившуюся у наших ворот бричку и выходящих из нее наших друзей и товарищей. Как крепко обнялись мы, сколько расспросов об оставшихся товарищах, они же расспрашивали о нашем бытье-житье; расспросам и ответам не было конца и только поздняя ночь и сон положил им конец.—С их приездом и полевые занятия наши стали много приятнее, потому что нам всегда сопутствовал Николай (Крюков). Они также купили дом недалеко от нас, завели домашнее хозяйство, которое исключительно принял на себя Александр Александрович. Он был большой гастроном и не любил полевого хозяйства, которым занимался исключительно меньшой брат“.[3])

Вместе с Крюковыми приехал на поселение и декабрист Иван Васильевич Киреев,[1]) член Общества Соединенных Славян, который поселился у Беляевых; потом прибыл с большим семейством Мозгалевский.[5])

---

[1]) ibid.

[2]) Op. C., 337. Ср. П. М. Головачев, Op. C., 63 Сл.

[3]) Op. C. 307. То были члены Южного общества. О них см. донесение следственной комисссии, P. A., 291, 298. Семевский, op. c., 227 228-9 и др. Николай Крюков женился в Минусинске на вдове инородке, служившей кухаркой у братьев Беляевых. Беляев, 306. Ср. П. М Головачев. Декабристы, 118.

[1]) Беляев, 308. О Кирееве, члене Общества Соединенных Славян см. донесение и т. д., стр. 305, Семевский Op. c., 110, 116, 228,

[5]) Мозгалевский был членом Общества Соединеных Славян и осужден к ссылке на поселение. В начале он жил в Нарыме см. донесение следственной комиссии, „Русский Архив“, 1881, II. 305, 306, 332, 336. О Мозгалевском полковник корпуса жандармов Маслов писал в вышецитированном донесении. „Мозгалевский (бывший подпо-

В Шушенском был поселен Александр Филиппович Фролов, бывший подпоручик пензенского пехотного полка, член Южного Общества. Присужденный к 20 годам каторжных работ, Фролов в конце 30 годов вышел на поселение. В Шушенском он занялся хлебопашеством, завел табун лошадей, построил мельницу, устроил огромный огород. Хлебные и огородные семена он выписывал из России и старался распространять их среди местных крестьян, которым вообще помогал, чем только мог. Он поступил на службу по откупу. В 1846 г. Фролов вступил в брак с 26 летней дочерью атамана Саянской казачьей станицы, Евдокией Николаевной Макаровой. Еще лет семь до этого минусинские декабристы заинтересовались выдающимися умственными способностями этой девушки, занялись ее образованием и достигли очень заметных результатов. Некоторое время молодая девушка была невестой А. П. Беляева, но когда он был отправлен рядовым на Кавказ и для него выяснилась невозможность скоро освободиться от службы на Кавказе, он поручил невесту своему другу Фролову. Коренная сибирячка, жена Фролова оказалась дальновидной образцовой хозяйкой, неутомимой труженицей. В доме Фроловых все было свое, домашнее, кроме чая, сахара, пряностей и некоторых материй для одежды. Одаренный математическими и строительными способностями, умевший прекрасно чертить, Фролов не только составлял планы всех хозяйственных сооружений, но и принимать личное участие в самой постройке доставляло ему большое удовольствие Умерший в Табольске в самом конце 1854 г. неизменный друг Фролова Ф. Б. Вольф оставил ему по завещанию

ручик Саратовского пехотного полка), водворенный в заштатном городе Нарыме, Томской губернии, скромным поведением старается приобрести доброе расположение жителей. Он подружился с лекарем Виноградовым, женился на мещанке и сделался, так сказать, оседлым жителем Нарыма, занимается хозяйством, получает небольшое пособие от матери и зятя из Черниговской губернии. „Современник", 1913, IX, 325. О жизни Мозгалевского в Нарыме см. А. И. Дмитриев-Мамонов, Декабристы в Западной Сибири, СПБ, 1905, 110-111. С Николаем Осиповичем Мозгалевским не нужно смешивать Александра Евгеньевича Мозалевского, прапорщика Черниговского пехотного полка, принадлежавшего также к Обществу Соединенных Славян и осужденного на вечную каторгу. См. Б. Модзалевский. „Декабристы в минувших годах," 1908, № 1, стр. 284-5. Мозгалевского припутали еще к делу о восстании, организованном Сухиновым в Чите, но оправдали. Максимов, III, 178, сл.

5000 р. После амнистии 1856 г. Фролов, распродав все свое сельско-хозяйственное обзаведение и присоединив к вырученной сумме деньги, полученные по завещанию Вольфа, решил уехать в Россию с женой, дочерью и двумя сыновьями.[1])

Кроме Фролова в Шуше был поселен из декабристов и Петр Иванович Фаленберг, он занялся там разведением табаку вместе со смотрителем поселений Кутузовым, они выделывали сигары.[2])

В 1840 году Фаленберг женился на дочери казачьего урядника из Саянска, после того как умерла в России его жена, которую мать отговорила ехать к нему в Сибирь. По словам Беляева, вторая жена Фаленберга „была преданная и нежная подруга и вполне усладила его изгнаннническую жизнь .. Он имел от нее сына и дочь“.[3])

Наблюдательная и умная сибирячка очень скоро усвоила себе все приемы образованного общества, в которое она вступила, став женою декабриста. В оффициальном донесении о Фаленберге от 23 мая 1852 г говорится: „простота, скромность, чистосердечие, душевная бодрость составляют отличительные черты его характера... Средства его весьма ограничены; единственное его достояние составляет доход с табачной плантации, с которой он получает около 40 пудов табаку“. Когда в 1851 г. разливом Енисея плантация Фаленберга была затоплена и уничтожена, то жители Минусинска собрали ему в пособие довольно значительную сумму денег“. Это доказывает, какой любовью и уважением он пользуется во всей округе“, говорит упомянутый оффициальный документ. Фаленберг оставил Сибирь после общей амнистии 1856 г.

Говоря о культуртрегеской работе декабристов, нужно тут отметить, что братья Беляевы ввели в Минусинске посев гречихи.[4])

---

[1]) П. М. Головачев. Декабристы, 86 портретов, Москва, 1906, 254-5

[2]) Фаленберг был членом Южного Общества. „В 1822 году князь Барятинский, принимая в общество полковника Фаленберга, взял с него клятву жертвовать всем и даже покуситься на жизнь императора“. Донесение следственной комиссии по делу декабристов, напечатанное в Русском Архиве за 1881, книга II, стр. 298. В Шуше Фаленберг жил вместе с смотрителем поселений Кутузовым. Беляев, стр. 324 сл.

[3]) Беляев, 333-4.

[4]) Воспоминания, 299

Декабристы внесли свою лепту и в научное исследование края: Фаленберг снял точную копию с трех камней с руническими надписями, доставленных с берегов Енисея в Шушенское становое правление, и доставил ее в Академию Наук.[1])

Наезжавшая в 30-х годах в город интеллигенция-Лессинг, прибывший из Берлина в Саяны для измерений; астроном Федоров, командированный для астрономического определения широт многих Сибирских городов—группировалась около декабристов.[2])

Как мы видели, поселенные в Минусинске декабристы занялись сельским хозяйством, как и большинство живших в Восточной Сибири декабристов. Земледелием в крупном масштабе занимался в 30-х годах барон Розен в Кургане.[3])

Очень деятельными сельскими хозяевами были и братья Бестужевы, жившие около Селенгинска. Некоторые декабристы проложили путь новым формам сельскохозяйственной деятельности. Бесчастнов в селении Смоленщине, Иркутской губернии, первый в крае занялся возделыванием конопли и добился блестящих результатов. Он же устроил маслобойку и Сибирь впервые увидела свое местное масло, не привозное из Ирбита. В. Ф. Раевский в Олонках в 8 верстах от Иркутска вырастил арбузы и тем положил начало бахчеводству в Иркутской губернии.[4])

III.

Выше мы разбирали литературные данные о пребывании декабристов в Минусинске. Теперь приведем материалы, найденные нами в делах Минусинского Словесного Суда исполнявшего в Минусинске, как в „городе малолюдном“, функции городского управления.

3 июня 1833 г. полицейская управа пишет Словесному Суду: „Прилагая при сем в списке предписание г. енисейского гражданского губернатора от 18 мая вследствие предписания г. минусинского окружного начальника, управа сия оному суду предлагает государственному преступнику Бе-

[1]) Людвиг Шварц. „Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской Экспедиции имп. Русского Географического Общества“, СПБ, 1864; стр. 103.

[2]) Беляев, Ор. с., 308

[3]) Записки, часть II; глава XII.

[4]) Максимов. Сибирь и каторга, часть III, стр. 262 О хозяйственной деятельности Раевского в Сибири. Ср. Щеголев. Исторические этюды, 229

ляеву отвести из удобных к хлебопашеству и сенокошению мест по близости города".

А вот что пишет общее управление Енисейской губернии по секретной части, 18 мая 1833 г. г. Минусинскому окружному начальнику. „Иркутский гражданский губернатор входил к г. генерал-губернатору Восточной Сибири с представлением об исходатайствовании дозволения водворенным на поселение по Иркутской губернии государстенным преступникам иметь выезд из селений для землепашеских работ на отведенные им места под наблюдением местного начальства. Обстоятельство сие сообщено было его высокопревосходительству на рассмотрение генерал-адьютанта гр. Бенкендорфа, с таковым заключением, что его величество с своей стороны не находит препятствия в дозволении означенным преступникам отлучаться с мест водворения собственно в окружные сельские дачи для земледельческих работ на необходимое для сего время. Ныне генерал-адъютант граф Бенкендорф от 20 истекшего марта уведомил его высокопревосходительсто, что он с своей стороны согласен с мнением его насчет дозволения поселенным в Иркутской губернии государственным преступникам выезжать из мест, для постоянного их пребывания назначенных, в окружные сельские дачи, для земледельческих работ. О таковом отзыве графа Бенкендорфа, изъясненном в предписании ко мне г. генерал-губернатором Восточной Сибири от 5 сего мая, нужным считаю уведомить ваше высокородие для надлежащего соображения".

22 июня 1834 г. городничий Кугаевский пишет Словесному суду „секретно":

„Г. Минусинский окружной начальник от 20 сего июня сей управе предписать изволил, чтоб распорядиться отводом сенокосного места находящемуся на поселении в городе Минусинске государственному преступнику Александру Беляеву. Словесный суд должен распорядиться отводом этого места.[1])"

В 1835 г. вопрос о наделении политических ссыльных землей для занятия сельским хозяйством был разрешен имп. Николаем. Нас не должно удивлять, что дело восходило на усмотрение царя. „Известно", пишет Щеголев, „что император Николай Павлович имел непосредственный надзор над всем, что так или иначе касалось отбывающих наказание

[1]) Дело № 194.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

декабристов: все изменения, даже самые малейшие, в их житейском обиходе совершались только на основании высочайших распоряжений". [1])

27 августа 1835 г. Енисейское губернское правление посылает Минусинскому земскому суду следующий указ: „Государь император всемилостивейше повелеть соизволил: отвести каждому из находящихся на поселении государственных преступников по 15 десятин пахотной земли близь мест жительства их, дабы предоставить им чрез обрабатывание оной средства к удовлетворению нужд хозяйственных и к обезпечению будущей судьбы их детей, прижитых в Сибири. [2]) На предписание об этом г. гражданского губернатора от 15 июня... казенная палата представляла его превосходительству, что по случаю командирования как губернского землемера Шабанова в Красноярский округ для изыскания и съемки пустопорожних земель для предположенной по высочайшему повелению колонизации в сибирских губерниях, так и окружного Третьякова в Ачинский для нахождения за депутата при съемке шихтмейстером Нечкиным северовосточной границы, они не находят никакой возможности сделать отвода земель помянутым поселенцам по правилам формального отмежевания, или нарезки нынешним же летом, не токмо во всех округах, но и в одном Красноярском, если Шабанов не возвратится по крайней мере к половине июня месяца, что же касается в особенности до Лисовского и Аврамова, поселенных в Туруханском крае, то там, как известно, и вовсе не существует хлебопашества по суровости климата, а потому палата полагает сделать следующее распоряжение: 1) предписать ок-

---

[1]) „Исторические этюды", СПБ. 1913, стр. 405. „Любопытно, что еще в июне 1829 г. исправляющий должность иркутского губернатора входил к генерал-губернатору Восточной Сибири с вопросом, можно ли дозволить государственным преступникам, находящимся на поселении в Иркутской губернии, строить дома, мельницы и прочие заведения. Генерал-губернатор согласно с существующими правами разрешил состоящим на поселении государственным преступникам строить себе дома и другие необходимые в быту поселян заведения, уведомив о сем генерал-адъютанта графа Бенкендорфа. Его сиятельство уведомил генерал-губернатора, что он об означенном обстоятельстве докладывал всеподданнейше государю императору и его императорское величество повелеть соизволил: „донести, что они будут строить". А. Савельев. Материалы по истории прибывания в Сибири поляков-повстанцев 1831 г. „Сибирский Архив", 1914, № 12, 554-5.

[2]) Ср. Дмитриев-Мамонов, Ор. с., 19-20

ружным начальникам или земским судам: Красноярскому Минусинскому и Ачинскому без наималейшего отлагательства и тотчас приступить к изысканию свободных и удобных пахотных земель по близости местонахождения поселенцев, по назначенному для каждого 15 десятинному количеству, хотя примерно соображаясь с известным содержанием погонных сажен десятинной длины и ширины, и указав поселенцам земли сии предоставить в их пользование, буде ни со стороны их, ни со стороны смежных селений на таковой выбор не последует никакого противоречия впредь до форменного чрез землемеров отмежевания. 2) Лисовскому и Аврамову по несуществованию в Туруханске хлебопашества назначить в ближних местах, по тому же способу, т. е. примерно необходимо нужное пространство рыбной ловли (подобно тому, как таковое назначение сделано казакам 2-й сотни Енисейского городового полка, расположенной в Туруханске), исполнение сего возложить на тамошнего отдельного заседателя, с тем же условием, что если со стороны их и смежных поселенцев не будет никакого противоречия и спора. „Это представление казенной палаты утверждено генерал-губернатором".[1])

9 марта 1836 г. полицейская управа сообщает Словесному суду, что Енисейская казенная палата предписала земскому суду распорядиться об отводе государственным преступникам Беляевым по 15 десятин каждому пахотной земли.

---

[1]) Аврамов, поручик квартирмейстерской части, был членом Южного Общества, его не следует смешивать с другим Аврамовым, полковником казанского пехотного полка. Лисовский, поручик Пензенского пехотного полка, был членом Общества Соединенных Славян. Донесение следственной комиссии, Ор с., 335-336. Полковник Маслов доносил о них в октябре 1829 года следующее: „Аврамов, водворенный в Туруханске, переносит судьбу свою с покорностью, коротких сношений с жителями не имеет, переписывается с родными и получил от них всего 150 рублей, часы и несколько одежды. Он имеет хорошие познания, и, прибыв в Туруханск, гордился своею ученостью; но суровый климат и безнадежность подавили его надменность. Лисовский, там же поселенный, человек слабый, болезненный, ума ограниченного и без малейшего воспитания. Он чрезвычайно молчалив и как бы удивляется сам своему преступлению Они оба ведут себя скромно, занимаются чтением и усердно исполняют обязанности веры. Кривцов, переведенный в Минусинск, быв с ними в Туруханске, оказывал им пособие, по отправлении же его, лишены всех способов к содержанию себя. „Современник", 1913. IX, 324-5. О их жизни в Туруханске ср. Гершензон, Декабрист Кривцов, 206.

17 июня 1836 г. окружной начальник пишет суду: „предписываю оному Словесному суду отвести государственному преступнику Ивану Кирееву, поселенному в городе Минусинске, 15 десятин земли для сенокошения.[1])

О построенной им мельнице Беляев оставил нам в своих „Воспоминаниях" любопытный рассказ. Братья решили заняться поставкой земледельческих произведений на прииска и с этой целью стали строить мельницу. Всю работу кончили к осени и пустили в ход. Она (мельница) была в один постав, работала весьма успешно, и мы уже радовались совершением дела, как вдруг, в одну октябрьскую ночь, плотину... прорвало у берега противоположного строению".[2])

Но в этом рассказе имеются некоторые неточности. Содержащиеся в делах Словестного суда данные позволяют нам его пополнить и исправить.

21 августа 1834 года окружной начальник Кузьмин пишет Минусинскому Словесному суду: „Согласно высочайшей воле в предписании г. Енисейского гражданского губернатора изъясненной, я отвел находящимся в городе Минусинске государственным преступникам Александру и Петру Беляевым под мельницу пустопорожнее место в 3-х верстах от города по дороге к Малой Минусе на речке Боровой.[3])

2 декабря 1834 года в Минусинский Словесный суд поступает рапорт Мало-Минусинского старшины Назарова „Сего числа от промытия плотины имеющейся мельницы, содержащейся государственными преступниками Беляевыми, а которая состоит разстоянием от моста примерно 2 десятин, от какового наводнения разорвало Минусинский мост".

В начале следующего года Словесный суд получает бумагу такого содержания: „По донесению оного суда от 17 декабря прошедшего года о повреждении моста близь деревни Малой Минусы от разорвания мельничной плотины государственных преступников, я поручал здешней полиции сделать о том должное розыскание. Ныне оное представил мне удостоверение за подписом г. городничего, Словесного судьи и нескольких мещан, из коего усматривается, что повреждение моста произошло не от чьей либо умышлен-

[1]) Дело № 298.
[2]) Ор. с. 331-2.
[3]) Дело № 194.

ности, а от неизвестных причин, а и потому предписываю Словесному суду по незначительности повреждения исправить сное суммою, по смете на сей год достаточно ассигнованною". Окружной начальник Кузьмин.[1]) Таким образом, по предписанию окружного начальника повреждения от прорыва плотины на принадлежавшей декабристам мельнице были отнесены на счет городских расходов..

Беляев разсказывает далее, что они не бросили мельницы. Мы не сробели и с весной запрудили мельницу и начали работать, поставив сруб в прорванном месте, который нагрузили камнями". Но сруб не выдержал напора воды, его опять прорвало. Тогда братья Беляевы произвели еще более радикальный ремонт. Но и это не помогло: „мы шли с братом к заутрени, что во все праздники всегда исполняли, как уже подходя к церкви, услышали, что кто-то в темноте называет нас по имени; это был житель Малой Минусы, и возвещает нам, что мельницу нашу опять прорвало". Больше Беляевы ничего не предпринимали со своей мельницей, так как в марте следующего года уехали на Кавказ. „Мельница эта или лучше сказать, наше упорство стоило нам много денег", пишет Александр Беляев,[2])

Минусинские мещане не соглашались на отвод земли политическим ссыльным, мотивируя это недостатком земли. 21 июня 1837 года составлен следующий приговор: „Мы нижеподписавшиеся Енисейской губернии города Минусинска купеческое и мещанское общество, быв в полном собрании в общественной сборне, все единогласно учинили сей приговор в том, что слышали предписание г. Минусинского окружного начальника от 20 мая сего года об отводе государственным преступникам и польским мятежникам хлебопахотной и сенокосной земли, каждому по 15 десятин, которой отвести не соглашаемся потому самому, что в городовом выгоне имеется оной неизобильное количество и в таковой сами имеем крайнюю надобность, как то в хлебопахотой, а наипаче для сенокошения оной, и если будут пользоваться государственные преступники и польские мятежники в городовом выгоне, то должны мы привесть себя в крайнее разорение.[3])

---

[1]) Дело № 259.

[2]) Ор. с., 332-3.

[3]) Дело № 333.

На этой почве у политических ссыльных неоднократно происходили столкновения с населением, и, как это ни странно, администрация постоянно брала сторону ссыльных. .[1])

28 июня 1843 г. полицейская управа пишет Словесному суду: „По неоднократным жалобам, приносимым государственным преступником Мозгалевским на мещан здешнего города о выкошенном ими на отведенном ему сенокосном месте травы, за что виновные и были неоднократно подвергаемы исправлению", Словесный суд должен подтвердить жителям города, чтобы они делать этого не смели, а косили траву каждый на своем месте.

4 июля 1843 г. полицейская управа пишет Словесному суду: „Государственный преступник Николай Мозгалевский и политический Осип Клярнер г. Минусинскому окружному начальнику принесли жалобу, что они терпят беспрестанно убытки от некоторых Минусинских мещан через выкашивание ими отведенных им по милости государя императора сенокосные места, называемые Муньки около Попадьина острова, разгораживают поскотину и часто увозят на дрова жерди загородки". Окружной начальник поручил полицейской управе строжайше воспретить это мещанам. „О каковых поступках мещан полицейская управа 28 июня хотя и предписала оному суду, но как видно по оному надлежащего исполнения не учинено, а потому... управа еще подтверждает оному суду о выполнении изложенного здесь в точности".

На это Словесный суд доносит полицейской управе: „По справке же в сем суде оказалось, что Енисейская казенная палата указом секретно от 27 августа 1835 г. Минусинскому Земскому суду предписать изволила, что государь император, снисходя на участь государственных преступников Александра и Петра Беляевых, повелеть изволил, буде не окажется споров со стороны жителей, отвести им из пустопорожних земель, как для хлебопашества, а равно и сенокошения земли по 15 десятин на душу, что было исполнено, но каким способом после увольнения г. г. Беляевых достались упомянутые места преступникам Мозгалев-

---

[1]) В Якутской области в второй половине 70-х годов администрация постоянно принимала сторону ссыльных скопцов в их столкновениях с якутами из-за земли. И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области (Записка император. Русского Географического Общества по отделению статистики, том XII СПБ, 1912, 209-210, также 315 сл.

скому и Клярнеру сей суд о том сведения не имеет, а потому Минусинскую полицейскую управу просит, не благоугодно ли будет от Мозгалевского и Клярнера истребовать акты на владение вышесказанных земель, и с них точными копиями наградить суд“.[1])

18 июля 1844 года полицейская управа пишет Словесному суду (секретно): „Исправляющий должность Минусинского окружного землемера Затовецкий от 10 июня сего года уведомил, что действительно была отведена земля государственным преступникам Беляевым в 1838 г. 3 сентября Енисейским губернским землемером Шабановым в числе удобной и неудобной 20 десятин 1970 кв. сажен, имеется при межевых делах план. Почему полицейская управа предлагает Словесному суду, чтобы на острове, принадлежащем Мозгалевским наследникам, травы никто не косил“.[2])

8 июля 1844 г. полицейская управа пишет Словесному суду (секретно): „Умерший государственный преступник Николай Мозгалевский подал при жизни еще своей в сию полицейскую управу объявление, в котором изъяснил, что при переводе его из Тесинской волости в город Минусинск в 1841 г. отведен был ему губернским землемером г. Шабановым покос в называемых Муньках, а частью на Попадейкином острову, но здешнее мещанское общество не признавало будто бы его законным владельцем означенного покосного места и выгоняло его с оного самовольно и выкашивало траву. Полицейская управа предлагает Словесному суду, если есть в оном от г. Шабанова какое-либо отношение на отвод покоса травы умершему Мозгалевскому, то ныне наследникам его не воспрещать“.[3])

В этом же году вышло у горожан новое недоразумение из-за земельных угодий на этот раз с сосланными в Минусинск польскими повстанцами.

21 июня 1844 г. окружной начальник пишет Словесному суду: „По случаю возникших споров между Минусинскими мещанами и политическими преступниками Хельмицким, Милевским и Клярнером о сенокосном острове, состоящем по реке Енисею, называемом Кочковатым,—я ныне, вследствие прошения ко мне помянутых Милевского, Хельмицкого и Клярнера, чрез г. минусинского окружного землемера

[1]) Дело №-650.
[2]) Дело № 684.
[3]) Дело № 677.

делаю удостоверение, кому именно принадлежит этот остров, мещанам или помянутым политическим преступникам, почему предписываю Словесному суду объявить всем мещанам, дабы они впредь до окончания удостоверения к сенокошению на этом острове не приступали, под строжайшею ответственностью за ослушание противу начальства". 4 июля 1844 г. окружной начальник вновь пишет Словесному суду: „Окружной землемер донес, что этот остров еще в 1838 году Енисейским губернским землемером отведен помянутым Клярнеру, Милевскому и Хельмицкому, на владение им этим островом имеется и план при межевых делах. Давая о сем знать оному суду, предписываю объявить мещанам, дабы они отнюдь с этого острова, как не принадлежащего им, траву не снимали и не делали малейших притязаний при производстве там сенокоса упомянутыми преступниками под строжайшею ответственностью". [1])

Представители администрации деятельно выступали на защиту политических ссыльных. 3 марта 1839 г. окружной начальник пишет Словесному суду:

„Предписываю вам немедленно понудить проживающих в дер. Малой Минусе поселенцев Ивана Логинова и Стефана Фалькова к доставке проданного государственным преступникам Беляевым хлеба: первым 50, а последним 80 пудов, и мещанина Алексея Оловянникова к возвращению тем же Беляевым 30 копен сена, которое он самовольно сметал на Керексанкином лугу, как накошенное будто бы на его покосе, который Беляевы купили у мещанина Екима Чуева". 3 декабря 1839 г. окружной начальник предписывает Словесному суду: „Так как Фальков до сих пор еще не доставил Беляевым запроданных 80 пудов хлеба немедленно его к сему побудить". [2])

11 февраля 1841 г. заключено условие минусинским мещанином Шикиным с государственным преступником Александром Крюковым; Шикин отдает Крюкову свой дом в кортоме в годовое содержание за 200 руб. ассигнациями со всеми принадлежащими к нему пристройками.

17 июня 1841 г. минусинский мещанин Просвирнин собственный свой покос, находящийся на острове Савинке возле Безымянного, отдает в наем им (братьям Александру

---

[1]) Дело № 672.
[2]) Дело № 463

и Николаю) Крюковым на нынешнее лето ценою за 4 рубли, которые деньги получил сполна". [1])

10 июня 1842 г. „Мы нижеподписавшиеся под сим государственные преступники Александр и Николай Александровы Крюковы заняли Минусинского округа, Шушенской волости, дер. Каптыревой у крестьянина Осипа Прокопьева Монастыршина денег серебром тысячу рублей без процентов, которые и обязуемся выплатить по первому его Монастыршина требованию". [2])

30 мая 1843 г. состоящий в должности минусин. окружного землемера пишет в минусинский Словесный суд: „Енисейский губернский землемер предписал мне обмежевать в оброчное содержание земли, остающиеся пустопорожними от наделения жителей города Минусинска, просимые чиновником Заболодцким, государственными преступниками Крюковыми, купцом Виссарионом Широковым и мещанином Кононом Солдатовым.—Вследствие чего прошу покорнейше командировать со стороны своей депутата и понятых". [3])

26 июня 1849 г. двое минусинских мещан братья Захаровы обязались поставить текущим летом Александру Крюкову 300 копен сена по 7 рублей за сотню. [4])

Любопытные сведения содержатся в указе енисейского губернского правления Словесному суду от 30 декабря 1848 г. Когда император удовлетворил просьбу Беляевых и Крюковых об отводе земли в оброк, то казенная палата донесла губернатору, „что Енисейский губернский землемер Шабанов, которому палата предписывала донести: какие из пустопорожних мест могут быть отданы в оброчное содержание преступникам Беляевым и Крюковым, довел, между прочим, до сведения ее, что по личному его удостоверению Беляевы и Крюковы сверх 15 десятин пропорции земли заняли самовольно хлебопашеством более 100 десятин; вследствие сего палата и просила его превосходительсто поручить кому следует иметь наблюдение, дабы свободными казенными землями без надлежащего их отвода и без платежа в казну оброка никто самовольно не пользовался, что он г. начальник губернии, имея ввиду, что надзор и наблюдение за казенными землями в Сибири принадлежит земским полициям,

---

[1]) Дело № 567.
[2]) Дело № 618.
[3]) Дело № 651.
[4]) Дело № 917.

а потому предлагает губернскому правлению ныне же сделать надлежащее распоряжение, чтобы казенными оброчными статьями и вообще землями казенного ведомства никто самовольно не пользовался и под опасением строжайшего по законам взыскания, что возложить на личную ответственность земских полиций".

Ссыльные декабристы занимались в довольно широком масштабе коммерческими операциями. Приведем следующий „контракт".

„Мы, нижеподписавшиеся Енисейской губернии города Минусинска жители 3-й гильдии купец К. Ф. Широков и мещанин П. И. Попов, заключили сей контракт с проживающими в городе Минусинске Александром и Николаем Крюковыми и Николаем Осиповым Мозгалевским в следующем: обязуемся мы Широков и Попов принять от них Крюковых и Мозгалевского собственный их ржаной молотый хлеб 3000 пудов, доставить оной своим коштом на своей барке в гор. Енисейск, где и сдать купцу тово города Василью Дмитриеву Дементьеву". При заключении контракта они должны получить 1000 рублей; остальные деньги по окончании операции.

IV

За жертвами неудавшегося декабрьского восстания последовали борцы за свободу и независимость Польши. Вслед за июльской революцией 1830 г. поднялись и поляки против николаевского режима. Но русскому правительству удалось, хотя и не без труда, справиться с польской шляхтой, и длинной вереницей потянулись в Сибирь польские повстанцы. Для них ссылка была тягчайшим наказанием; ничего не могло быть хуже для пламенного польского патриота, чем жизнь в сибирской глуши, в плену у ненавистных русских. Неудивительно поэтому, что они замыкались в своем кругу и избегали сближения с местным населением: поляки женившиеся на сибирячках, исключались из товарищеской среды. Тем не менее, население относилось к ним хорошо. „Для всех политических преступников было общее название поляков, и главною особенностию для распознавания полагалось не наречие, а образование".[1])

В Минусинске были поселены и „польские мятежники", осужденные за восстание 1830 года.

[1]) Максимов Ор., с. III, 47.

16 апреля 1838 г. окружной начальник пишет Словесному суду (секретно): „Если получит или уже получил Словесный суд предписание Енисейской казенной палаты об отводе поселенным здесь польским мятежникам по 15 десятин пахотной земли, то непременно распорядиться в свое время о точном исполнении этого предписания". [1])

И в Минусинской инвалидной команде числились польские мятежники. 22 июня 1838 г. Словесный суд доносит в полицейскую управу: „По розысканию сего суда бежавших Минусинской инвалидной команды рядовых из польских пленных Войцеха Леводовского и Антона Дожералова у жителей города, как то на заимках, а равно и на пашнях, ни у кого не оказалось". [2])

15 октября 1846 года полицейская управа предписывает Словесному суду: „Прислать в сию управу 10 человек мещан для розыска польского мятежника Милевского, отлучившегося неизвестно куда с квартиры своей вчерашнего числа". В тот же день полицейская управа предлагает оному суду нарядить караул к телу найденного мертвым на кладбище политического преступника Фердинанда Милевского". [3])

7 ноября 1849 г. Словесный суд пишет окружному начальнику: „При предписании Вашего Высокоблагородия от 2 ноября прислано в Словесный суд объявление о продаже имущества умершего политического преступника Хелъмицкого и поставлено в обязанность суду объявление прибить к дверям при входе, дабы всякий желающий покупать вещи мог его читать, что и было исполнено. Но вчерашнего числа объявление неизвестно кем покрадено". Словесный суд просит прислать другой экземпляр объявления.

В 1849 году производится следствие чиновником особых поручений при губернаторе о безпорядках и злоупот-

---

[1]) Дело № 333.

[2]) Дело № 384. Ссыльные поляки определялись в сибирские батальоны либо на всю жизнь, либо на 15-20 лет без выслуги, но с надеждой возврата на родину не иначе, как на такую же солдатскую службу до самой смерти. „Несмотря на то, что солдатский разряд полагался слабейшею мерою взыскания изо всех видов сибирской ссылки—пишет Максимов, он на практике оказался одним из тягчайших; наибольшим количеством побегов... отличался пред другими этот разряд; наибольшую тяжесть наказания выдержали поляки в этом разряде. „Сибирь и каторга", часть III СПБ, 1871. 42.

[3]) Дело № 779.

реблениях, допущенных окружным судом при продаже имения политического преступника Хельмицкого.

О ссыльном поляке идет речь и в рапорте Словесного суда в губернское правление от 24 марта 1848 года. „Желающих на взятие в оброк земель, бывших во владении политического преступника Регинского и обмежеванных по просьбе чиновников Волкова и Бабушкина самовольно занятых поселенцем Софроновым и прочими лицами, по городу Минусинску не оказалось.[1])

К „польским мятежникам" принадлежал, и „политический преступник Осип Клярнер". Его имя уже упоминалось выше, особенно часто оно начинает встречаться в документах с 50-х годов. 7 июня 1851 г. полицейская управа пишет Словесному суду: „Проживающий в городе Минусинске политический преступник Осип Клярнер подал в сию управу прошение об отводе ему под постройку дома пустопорожнего места, значущегося по Новой улице на задах принадлежащего ему дома, против места, отведенного коллежскому секретарю Юстину Шемиоту, и как это место состоит в черте города по плану, высочайше утвержденному, и остается порожним, почему полицейская управа, сообщая в оный суд просит учинить публику для торгов упомянутого места".[2])

В 1853 г. у Минусинского общества вышли снова недоразумения с Клярнером из-за находившейся в его пользовании земли. 15 июня 1853 г. Словесный суд доносит губернскому правлению: „Политический преступник Клярнер отправился в Енисейск для продажи хлеба и потому от него сведение не отобрано, а по показанию мещан сторожилов известно суду, что Клярнер пользовался годов около 10, именно до 1851 г., ибо местность эта была отведена во владение политических преступников Беляева, Мозгалевского и Клярнера, но впоследствии Беляевы выбыли, и при межевании, бывшем 1850 г. землемером Чикуновым выгона городу, об'явлено доверенному от общества и Клярнеру, что ему принадлежашая местность выше смежна с настоящею, а нижний конец подлежит к выгону и потому этот то остаток суд и предполагал бы отдать с торгов для сенокошения; но до настоящего времени он остается неогороженным, вследствие этого нельзя думать, кто бы взял в оброк на нынешнее лето".

---

[1]) Дело № 1013.

[2]) Дело № 1125.

10 августа 1853 года получено в Минусинском Словесном суде политического преступника Осипа Клярнера объяснение: „По распоряжению высшего начальства предписано было губернскому землемеру Шабанову отвести мне хлебопахотной и сенокосной земли 15 десятин. Г. Шабанов, прибыв в город Минусинск, не упомню которого года, призвав меня и государственного преступника Мозгалевского, которого тоже в это время приказано было правительством наделить 15 десятинною пропорциею хлебопахотной и сенокосной земли, объявил: что он назначает нам земли хлебопахотные и сенокосные, принадлежащие прежде государственным преступникам Александру и Петру Беляевым. А как Беляевы владели сенокосом, обнесенным городьбою, то мы с Мозгалевским разделили этот покос, и я своею половиною владел по 1851 год, считая городьбу, проведенную Беляевыми, за грань сенокосу, ибо г. землемер Шабанов планов нам не выдал, да и городьбу Беляевых не поверял, а обещался планы выслать, межевые же столбы от палов, должно быть, сгорели. При обмежевании же города Минусинска скотского выпуска г. Чекуновым в 1850 году при поверке земель оказалось: что Беляевыми лишнее место было загорожено (небольшой уголок), которым я с того времени не пользовался. Сенокос этот я занимал с 1844 по 1850 год“.[1])

Спор между горожанами и политическим ссыльным и на этот раз был разрешен администрацией в пользу последнего, как видно из указа губернского правления Словесному суду от 7 ноября 1853 г.: „Минусинский Словесный суд 30 апреля просил об отдаче в оброчное содержание сенокосной земли, принадлежавшей политическому преступнику Клярнеру и Мозгалевскому, для усиления городских доходов Губернское правление положило суду в этом отказать, по тому уважению, что земля эта к выгону не принадлежит, а отведена во владение политическому преступнику Осипу Клярнеру вместе с государственным преступником Мозгалевским по распоряжению Енисейской казенной палаты, которою предоставить пользоваться и в настоящее время означенным Клярнеру и Мозгалевскому“.

Клярнер деятельно занимался сельским хозяйством, при чем сплавлял хлеб в Енисейск.

[1]). Дело № 1279.

28 февраля 1854 г. помечено условие, заключенное Клярнером с 9 крестьянами Тобольской губернии, которые обязуются ему сплавить барку с хлебом до Енисейска.

В 1858 г. Осип Клярнер заключает ряд условий: о покупке хлеба, найме работников для полевых работ, о постройке барок для сплава хлеба.

11 января 1858 г. Минусинский окружной суд пишет в Минусинский Словесный суд: „Прощеный политический преступник Осип Иванов Клярнер поданным в окружной суд 13 ноября 1857 г. прошением с представлением билета на землю, отведенную ему в 1842 г. под постройку дома, просил на оную и на выстроенный им дом, стоющий 300 руб., состоящий в городе Минусинске на Барнаульской улице, совершить на имя его крепостной акт. Вследствие чего окружным судом были забираемы надлежащие сведения к совершению сего акта и эти сведения ныне доставлены, из которых усматривается, что земли у Клярнера против выданного ему из Минусинской полицейской управы билета по удостоверению оказалось излишней 15 сажен поперечника на расстоянии 20 сажен длинника, т. е. квадрату 300 сажен. Эту землю, как об'яснил Клярнер, желая укрепить за собою, подавал об отводе ему оной в Минусинское полицейское управление прошение, но желающих приобрести это место с торгов, кроме его, никого не было. Поэтому полицейская управа предписала бывшему квартальному надзирателю Константинову отмежевать это место ему, что и было исполнено, но почему не выдано билета, не знает, местом же этим владеет более 15 лет. Из соседей Клярнера Яков Изосимин, хотя на землю спора не изъявил, но другой сосед купец Ананий Каминер по ненахождению в городе Минусинске остался в этом не спрошен." [1])

В этом документе Клярнер именуется „прощеным"; нужно думать что он подошел под манифест 1856 года, но остался в Сибири добровольно.

В Шуше проживал польский повстанец Корсак, человек лет пятидесяти, помещик Минской губернии. [2])

25 мая 1839 г Словесный суд доносит в полицейское управление что „политический преступник Фельтман нынешнего года переведен начальством на службу в главное управление Восточной Сибири." [3])

---

[1]) Дело № 1936.
[2]) Беляев, 329.
[3]) Дело № 445.

Кто был этот Фе́льтман, мы не знаем. По сведениям Словесного суда в 1845 г. в Минусинске было государственных преступников 6 душ мужского пола, 3 женского (очевидно, их жены).

В 1850 г. „государственных и политических преступников" не показано вовсе.

Указом от 4 января 1852 г. губернское правление сообщает Словесному суду: Вследствие предписания г. генерал-губернатора Восточной Сибири от 5 декабря губернатор уведомляет губернское правление для должного распоряжения и руководства, что поселенцы и кре́стьяне из политических и государственных преступников, причисленные по деревням Енисейской губернии, поступившим ныне в казачье ведомство, не должны быть зачисляемы в казаки, и что лица эти попрежнему должны находиться в ведомстве тех волостных начальств, в котором до сего времени состояли.

V.

Данные, собранные нами в этом очерке, ясно показывают, что и в Минусинске ссыльные делали крупное культурное дело. Их деятельность в сфере сельского хозяйства прокладывала путь распространению среди жителей рациональных приемов земледелия.

Как мы видели, декабристы явились пионерами просветительного дела в Минусинске; братья Беляевы были организаторами первой частной школы в городе.[1])

Крайне характерно, что уже и в то время власть ставила всяческие препоны просветительной деятельности политических ссыльных. В 1836 г. „Генерал-губернатор Восточной Сибири из переписки государственных преступников, на поселении находящихся, усмотрел, что некоторые из них обучают крестьянских детей российской грамоте. Находя это занятие государственных преступников противным прямому смыслу существующих узаконений и желая отвратить вредное влияние таковых учителей на умы учеников, его высокопревосходительство предписал г. состоящему в должности Енисейского гражданского губернатора обратить на это особенное внимание и положить предел этому злу, допущенному местными властями, очевидно, по одной недальновидности и недоразумению, подтвердив им, что дальней-

[1]) Ср. нашу статью „Начатки народного образования в Минусинске" (Сибирский архив, 1914, № 11)

шее с их стороны этому злоупотреблению попущение вовлечет их в неминуемую ответственность. Его превосходительство, извещая г. окружного начальника о сем, предписывает немедленно сделать распоряжение, чтобы государственные преступники ни под каким видом не занимались с сего времени обучением детей. (Приказ Богучанского отдельного заседателя Круглова Богучанскому волостному правлению 8 июля 1836 года (секретно) А. Савельев. Материалы по истории пребывания в Сибири поляков-повстанцев 1831 года, „Сибирский Архив", 1914, октябрь 432-3.) Но жизнь была и тогда сильнее циркуляра, и, несмотря на все преграды, ссылка делала свое дело.

Исследователи Сибирской обществен. давно уже воздали должное политической ссылке, как одному из крупнейших факторов культурного развития Сибири. „Сибирь от ссылки государственных людей, политических преступников и другого грамотного люда выиграла в том, что в ней все классы народонаселения гораздо развитее, способнее и образованнее соответствующих им классов во многих других частях России .. Сибирь знает и благословляет имена с оих учителей, особенно много подвинувших страну на пути образования во второй четверти текущего XIX столетия", писал Максимов.[1])

„Государственные преступники", продолжает он, „принесли краю несомненную и громадную пользу, подняв уро-

[1]) Сибирь и катор'а. 1, 359, 360, Характерны следующие слова бывшего начальника Александровской каторжной тюрьмы: „Пребывание декабристов в Сибири, насколько я знаю, едва ли оставило в ком либо из нас сибиряков дурные о себе воспоминания. Напротив, оно имело широкое образовательное влияние, за которое многие из нас, а в том числе и я, храним искреннюю к ним благодарность". Борис Фрометт. „Политическая ссылка в России" „Современник", 1912 Ноябрь, стр. 253. Можно по этому судить, как мало правды в словах генерала-губернатора Анучина: „Что касается до населения, то оно не сочувствует государственным преступникам, и после горестного события 1 марта 1881 года некоторые города просили о выселении от них этого рода людей. Подобные заявления остались без удовлетворения, потому что сосредоточение государственных ссыльных именно в городах ставит их хотя под какой нибудь фактический надзор местной полиции". Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 года (сборник главнейших оффициальных докуметов по управлению Восточной Сибирью, том I, выпуск I, Иркутск 1884 стр. 119.)

вень сибирского образования значительно выше того, какой имеется для России". [1])

Везде заводились школы, везде бедные получали образование бесплатно; везде являлся пример рациональной хозяйственной деятельности, до тех пор почти неизвестной в Сибири. Везде представлялся контраст деловой жизни высшего происхождения и образования людей с невежеством и пустым препровождением времени большей части достаточных выскочек и даже крупных чиновников [2]).

Тот же Максимов указывает, что декабристы являлись защитниками народа против злоупотреблений администрации, „или представительством у высшей администрации, которая всегда смело могла положиться на добросовестное их указание, или обуздывая низшую администрацию, нравственным влиянием, так как были примеры, что люди, самые закоренелые в злоупотреблениях, совестились перед ними, когда действия их будут открыты". [3])

Лучшие представители сибирского общества с благодарностью вспоминают благотворное влияние политической ссылки... Известный доктор Белоголовый писал: „они сделали меня человеком, своим влиянием разбудили во мне живую душу и приобщили ее к тем благам цивилизации, которые скрасили всю мою последующую жизнь". [4])

„Это были люди, в большинстве случаев, исполненные пламенной веры в грядущее торжество своих идеалов, люди высокой чистоты личной жизни и просвещенного ума", пишет про политических изгнанников Н. Н. Козьмин. „На некультурное, жившее одними материальными интересами, сибирское общество они производили сначала странное, граничащее с недоумением впечатление, потом возбуждали удивление, иногда почти благоговейное поклонение... Кто из нас, сибиряков, в своей семье или семье знакомых не знает благотворного культурного воздействия декабристов, поляков, русских либералов и революционеров. Наши бабушки, матери учились у них музыке, живописи, учились

[1]) Op. c. III, 261.

[2]) Op. c. III, 276. Огромную роль сыграли декабристы и в деле медицинской помощи населению. К доктору Вольфу, искусному медику приезжали во время бытности его на каторге лечиться из Нерчинска, Кяхты, Иркутска. Николай 1, узнав об этом, сказал: „знания и талант не отнимаются". Фрометт Op. c. 249.

[3]) Op. c. III 277-8.

[4]) Op. c., 80

интересоваться книгой, получали навык к чтению. Наши деды и отцы имели в лице этих людей первых наставников и если в последующей жизни сохраняли искру божию, то часто относили все это сохранившееся хорошее на счет влияния своих учителей".[1])

Указывая на благотворное влияние политической ссылки на развитие Сибири, мы, разумеется, отнюдь не закрываем глаза на бездну горя и страданий, которые она несет с собой для невольных культуртрегеров. „С точки зрения всего человечества, с точки зрения сбережения человеческой энергии и страданий, политическая ссылка оплачивается такой дорогой ценой, что положительные ея разультаты, несомненно ниже причиненных ей же убытков[2])". Этими словами Воцлава Серошевского закончим мы нашу статью.

---

[1]) „Очерки прошлого и настоящего Сибири", СПБ, 1910, 166. „Купечество сибирское вообще отличается наибольшею развитостью в политических взглядах, наибольшим, так называемым, энциклопедическим образованием, чем, например, то же купечество, которое покупает у них чай и меха и отпускает им ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготовляемое Москвою; гостеприимно отворяя двери изгнанникам,—в нравственном отношении сибиряки много выиграли, судя по личным нашим наблюдениям и по свидетельству всех, имевших с ними дела и встречи". Максимов, Ор. с., III, 60. Г, Н. Потанин, указывая на причины, выдвинувшие в культурном отношении Иркутск из среды прочих сибирских городов, отмечает на ряду с хорошим подбором чиновников „другое обстоятельство, еще более важное в смысле культурного воздействия... интеллигентную ссылку... Многие сибирские города испытали на себе благотворное влияние интеллигентных ссыльных, но ни в одном из них подобное влияние не достигало таких значительных резмеров, как в Иркутске". „Города Сибири" в сборнике „Сибирь и ее нужды", СПБ, 1908, 237-8. Белоголовый, Ор, с., 42-3.

[2]) „Ссылка и каторга в Сибири", Ор. с., 230.

Минусинск 1916 г.

Александр Косованов.

Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова.

(По новым данным архива Мартьяновского Музея).

В середине лета 1833 г. в с. Шушенское, Минусинского округа, судьба забрасывает декабриста Петра Ивановича Фаленберга.

Осужденный на 15 лет каторжных работ и отбывший фактически, за сокращением сроков, 7 лет в Петровском заводе, Фаленберг направлен был на поселение в Троицкий солеваренный завод в Канском округе, но вследствие резолюции императора Николая на представлении шефа корпуса жандармов Бенкендорфа: „государственных преступников на заводских селениях, как ныне, так и впредь не селить", его перебрасывают в том же году в с. Шушенское.

Судьба этого человека, окончившего когда-то царскосельский лесной институт и занимавшего в чине подполковника видный пост старшего адьютанта квартирмейстерской части 2-й армии, довольно печальна. В полосу общественного подъема, в эпоху наполеоновских войн, увлекшись западными идеями и тяготясь общим бесправием русского народа, молодой Фаленберг, под влиянием своего начальника кн. Барятинского, вошел в Южное Тайное Общество, которое поставило сначала своей задачей мирное реформирование государственного уклада жизни и постепенное перевоспитание русского народа. Уже впоследствии, когда ярый республиканец Пестель направил деятельность Южного Общества на революционный путь, Фаленберг, сын

саксонского немца, человек трезвого практического склада мысли, преданный службист и мирный семьянин, никогда в сущности не веривший в успех революционного дела в России, отошел от Тайного Общества и в течении нескольких последних лет не принимал в нем никакого участия. Но мстительная рука Николая I не пощадила несчастного Фаленберга. После декабрьского восстания 1825 г. вместе с действительными участниками этой революционной вспышки схватили невинного человека в главной квартире 2-й армии, стоявшей на юге, и увезли в Петербург, в то время как на одре смерти, брошенная на произвол судьбы, лежала его молодая жена.

Сидя в Петропавловской крепости, он долгое время мистифицировал свое истинное положение и обманывал больную жену, посылая ей фиктивные письма. Испытывая душевные пытки, во время допросов Фаленберг впадал иногда в состояние, близкое к сумашествию, давал неверные показания; желая реабилитироваться искренним сознанием и не зная обстоятельств самого дела, в котором он обвинялся, наговаривал на себя то, в чем он был нисколько не виноват, и, вместо желаемого освобождения, был брошен на каторгу.

Он пережил двойную трагедию. Жена, страстно любимая им, не пожелала разделить страданий его ссылки и не пошла за ним в каторгу. К физическим и душевным страданиям Фаленберга, когда он пришел в нормальное состояние, прибавились мучения совести за ложные показания на следствии, имевшие для него трагические последствия. Эти душевные терзания не оставляли Фаленберга, повидимому, до самой смерти. Горькие „Воспоминания", опубликованные после смерти декабриста его сыном, наполовину обвеяны духом отчаяния, тоски, раскаяния и сожаления о легкомысленно погубленной молодой жизни.

Перед нами сффициальная переписка Минусинского окружного начальника с Шушенским волостным правлением с 1834 г. по 1856 г. включительно, именуемая „секретное дело", и составляющая за каждый год отдельно материал, касающийся государственных преступников с. Шушенского. Сюда входят предписания окружного начальника о бдительном надзоре за сосланными преступниками, запросы его о поведении их и занятиях, копии с циркуляров и распоряжений высшей власти, а также генерал-губернаторские и

губернаторские циркулярные предписания, многочисленные мелкие предписания о выдаче писем и посылок, адресуемых декабристам, денежных переводов и ежегодных пособий им от правительства.

Не выходя, по возможности, из пределов строгой документальности, проследим шаг за шагом жизнь Фаленберга и Фролова в с. Шушенском, как она рисуется с холодных страниц сухого чиновничьего документа. Правда за некоторые годы секретные дела утрачены, в архиве Мартьяновского Музея мы их не нашли, но это обстоятельство в своем месте будет нами отмечено.

С тяжелыми думами о темном будущем и без всяких средств к существованию Фаленберг прибывает 22 июня 1833 года в с. Шушенское, славившееся в то время обилием уголовного элемента, богатой криминальной хроникой и беспробудным пьянством. „Секретное дело“ за 1833 г. отсутствует в делах архива, и первый год поселения Фаленберга в Шуше, до известной степени, освещается автобиографическими записками декабриста. Из них мы усматриваем, что в первые годы шушенской ссылки Фаленберг пережил много горьких минут. Не получая ни от кого материальной поддержки, совершенно одинокий, среди пьяных, темных и с уголовным прошлым людей, он впал в тяжелую тоску. На первых порах ему пришлось выдержать немалую борьбу с пьяным и невежественным старостой, который пробовал применить к декабристу свои обычные грубые приемы управления, применявшиеся им к ссыльно-поселенцам. Со стороны Фаленберга он получил резкий отпор, и отсюда начало целой эпопее кляузнических писаний на декабриста, в которых староста дает скверные отзывы о буйном поведении государственного преступника и сопротивлении „власти“. Не будь на месте Минусинского окружного начальника гуманный и просвещенный А. К. Кузьмин, дело Фаленберга могло бы вызвать неприятные последствия; в действительности же Шушенский староста получил начальнический нагоняй и соответствующие внушения.

„Секретное дело“ 1834 г. открывается с сурового предписания окружного начальника Кузьмина Шушенскому волостному правлению по поводу болезни Фаленберга, стремившегося перебраться в Минусинск для серьезного лечения.

Приводим целиком этот документ, являющийся собственно копией губернаторского предписания, „Г. генерал-губернатор Восточной Сибири уведомил г Енисейского гражданского губернатора, что государственного преступника Петра Фаленберга не следует допускать, как к временному выезду из с. Шушенского в Минусинск для излечения его болезни, так и к постоянному в сем городе пребыванию, ибо переезд Фаленберга из помянутого села в Минусинск во время периодизмов его болезни и бессрочное пребывание в Минусинске более принесет затруднения начальству, нежели ему пользы, и све(рх)*) того лекарь Раевский, зная (хорошо) болезнь его, может пре(пятствовать) против оной с(воими средствами) и в селе Шушенском".

Таким образом ходатайство Фаленберга о временном переезде в Минусинск не было удовлетворено генерал-губернатором, и больному декабристу пришлось фактически остаться без медицинской помощи, так как доктор Раевский жил за 60 верст в городе и имел редкие разъезды по обширному уезду. Впрочем, николаевские власти рассматривали данный вопрос совсем не в плоскости оказания помощи больному преступнику, а с точки зрения полицейской охраны и государственного спокойствия. „Ибо переезд Ф-га принесет больше затруднения начальству, нежели ему пользы", как откровенно заявляет генерал-губернатор.

Без средств, без дела, больной, с гнетущей тоской Фаленберг провел начало своей ссылки в Шушенском. Только постепенно он устанавливает связи с Минусинском, с оставленной каторгой, с рассеянными по дикой Сибири товарищами декабристами.

13 марта 1834 г. Фаленберг получает от княгини Волконской из Петровского завода ящик в холсте", вероятно с книгами, а в апреле от нее же „ящик в коже с гамбургскими газетами".

Очевидно, велик был духовный голод политического изгнанника, заброшенного в глухой угол, оторванного от общества мыслящих людей. Фаленберг усиленно занимается чтением книг и газет на немецком и французском языках, присылаемых ему друзьями из Петровского завода. На протяжении многих лет волостное правление дает неуклон-

*) Документ порван, частью истлел, некоторые слова трудно читаемы, так как чернила вылиняли. Скобочные выражения - наша догадка. (А. К.)

но один и тот же отзыв о Фаленберге: „занимается чтением книг".

Приезд польских повстанцев 1831 года вносит некоторое оживление в скучную жизнь декабриста. В отзывах о поведении и других документах рядом с именем Фаленберга начинает фигурировать личность Томаша Пржедзецкого Корсака и др. польских революционеров.

Но „недреманное" око начальства не забывает интересоваться судьбой Фаленберга и первыми шагами его деятельности в новом краю, конечно, с полицейской точки зрения. Минусинский Земский суд 13 июня 1834 г. шлет экстренные секретные запросы волостному правлению о том, „как ведет себя государственный преступник Петр Фаленберг и чем занимается". Предписание суда требует представления этих сведений немедленно „и впредь доставлять таковые без упущения каждомесячно, в противном же случае пошлется нарочный на счет писаря". Прошлогодняя ведомость считается неудовлетворительной и требуется более основательный ответ.

Несмотря на строгий выговор, волостной отзыв последовал в обычных канцелярских лаконических выражениях. „Проживающий в с. Шушенском ведомства сей волости государственный преступник Петр Фаленберг по настоящее время ведет себя честно и добропорядочно: который ныне занимается домообзаводством и ни в каких противозаконных поступках замечен не был".

Из этого краткого отзыва видно, что Фаленберг с первых же дней поселения начинает заботиться о создании некоторого материального базиса, для чего переходит к „домообзаводству". В чем заключалось его хозяйство, мы увидим из дальнейших донесений.

1835 год в Шушенском архиве начинается с отметки корреспонденции и посылок, полученных декабристом. 15 января приходят письма: одно из Воронежа от брата Федора Фаленберга и другое из с. Тасеевского, Канского округа, от декабриста Игельстрома. 26 марта получается посылка с тремя французскими книгами от жены госуд. преступника—кн. Трубецкой. 25 апреля доставляется письмо и посылка в холсте с семенами, следующие из Воронежа от Веры Фаленберг. С посылкой Трубецкой произошел казус: письма ее попали в III отделение собств. его велич. канцелярии, а книги в Минусинск. По этому поводу в делах архива имеет-

ся бумага окружного начальника, отмечающая отсутствие книг в качестве приложения к полученным письмам из III отделения и донесение о том Енисейскому губернатору. Инцидент этот вскоре разъясняется в благоприятном смысле.

Кстати, о переписке. Корреспонденция декабристов была поставлена под строгий учет и тщательное наблюдение III отделения, куда все письма и посылки направлялись для просмотра. Почтовые отправления декабристов регистрировались, сопровождались каждый раз особым секретным предписанием окружного начальника с требованием росписок получателя. По поводу порядка ведения корреспонденции издавались специальные приказы. В Шушенском архиве имеется, между прочим, предписание о том, чтобы „он (Фаленберг), адресуя письма свои к каким-либо лицам, непременно означал, кто из тех лиц где находится, особенно, если таковые письма будут следовать к государственным преступникам, находящимся вне Енисейской губернии".

Впрочем, эта строгая регистрация писем и посылок на имя декабристов имела и свою хорошую сторону,—так, почти не терялись никогда почтовые отправления, направляемые в их адрес, за исключением писем, квалифицируемых „вредными", но зато задерживались, пока не проходили всех положенных инстанций, от глухой провинции до III отделения.

Переписка Фаленберга за 1835 г. говорит нам о том, что он серьезно задумывается над ведением домашнего хозяйства, выписывает огородные семена и с этою целью ведет деятельную переписку с братом и сестрой, живущими в Воронеже. С другой стороны, он не забывает и друзей по каторге, ведя переписку с Игельстромом, поселенным в Тасеевой.

Материальные лишения, переживаемые Фаленбергом, велики, а устроенный им огород в деревенских условиях, вдали от города, не дает ему особенного дохода. Ведение полевого хозяйства требует больших средств, рабочих рук, физических сил и уменья, а одинокий, полубольной и бедный Фаленберг вряд ли смог бы заняться сельским хозяйством. Он крайне нуждается в деньгах, а пособия ни от кого не получает. Служба в государственных, частных и общественных учреждениях запрещена. В таком тяжелом положении оказались многие бедные декабристы, и в делах Шушен-

ского архива имеется переписка высших начальствующих лиц по этому вопросу.

Из копии с предписания Енисейского губернатора Минусинскому окружному начальнику от 1 июня 1835 г. за № 409 мы узнаем подлинную историю вопроса о назначении пособий декабристам и о правовом положении их семейств. Губернатор пишет: „Г. исправляющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири входил с представлением к г. шефу корпуса жандармов графу Бенкендорфу относительно государственных преступников, находящихся на поселении и нуждающихся в своем содержании.

Ныне его сиятельство от 9 минувшего апреля (№ 1363) сообщил его высокопревосходительству, что означенное представление его он имел счастие докладывать государю императору и его величество, согласно предположению его высокопревосходительства, повелеть соизволил:

1) Государственным преступникам, на поселении в Сибири находящимся, не получающим никакого вспомоществования от родственников их, вне Сибири живущих, по недостаточному состоянию сих последних, давать от казны, кроме солдатского пайка, ежегодно следующую одежду: две рубахи, двое портов, одну пару онуч летних и одну пару зимних, две пары чарков, один кафтан крестьянского сукна, одну шапку летнюю и на 2 года овчинную шубу дотоле, пока сии государственные преступники придут в состояние, приличное хорошим поселянам и не будут нуждаться в таковом пособии правительства.

2) Детей сих государственных преступников, в Сибири находящихся, кои все малолетки, освободить от платежа податей и повинностей до следующей ревизии, дабы не обременить отцов их до крайности и дать способ к содержанию семейств посильными трудами в сельском быту.

Сверх сего государь император, по неограниченному милосердию своему, входя в бедное положение сих преступников и желая показать им, что и они не чужды благих попечений его величества, всемилостивейше повелеть соизволил: всем помянутым государственным преступникам производить ежегодно на необходимые им надобности по 200 р. каждому.

Граф Бенкендорф, сообщая его высокопревосходительству о сей высочайшей воле для распоряжения к исполнению по оной, просил уведомить его, кому из государствен-

ных преступников, находящихся на поселении во вверенных управлению его губерниях, он назначит производство одежды натурою из всемилостивейше пожалованных денег и каких преступников дети освобождены будут от платежа податей и повинностей".

На основании этого предписания губернатора окружный начальник предложил запросить Фаленберга, „желает ли он воспользоваться, по слабости здоровья и бедности, изъясненною в предписании монаршею милостью".

Декабрист дал собственноручно написанный отзыв, хранящийся в делах архива, следующего содержания: „Означенное предписание читал, и упомянутою в приложенной копии с предписания г-на Енисейского гражданского губернатора монаршею милостью воспользоваться желаю".

Хозяйственные заботы выдвигаются на первый план, и Фаленберг хлопочет об отводе ему земельного участка для постройки дома, на что окружный начальник дает предписание волостному правлению произвести таковой отвод земли под усадьбу, но с особым примечанием, „чтоб таковое место, сколь можно, было внутри селения, для ближайшего надзора, чтоб пространство оного было не менее десятины, то есть 60 длиннику и 40 сажен поперешнику".

Почти одновременно с этой бумагой посылается предписание об отводе Фаленбергу 15 десятин пахотной земли. В данном случае предписание Земского суда не опиралось на просьбу декабриста, т. к пахотной земли он не просил у правительства; это было сделано высшей властью на основании существующего распоряжения и согласно опредеденной, выработанной нормы надела. Впрочем, вопрос с отводом земли затормозился надолго,—то отсутствие в Минусинске землемера, то формальная невыясненность вопроса мешали осуществлению этого предписания.

В ноябре 1835 г. Фаленберг получает сообщение о предписании Енисейского губернатора выдавать ему из казны солдатский паек каждогодно по 200 руб. деньгами и одежду крестьянского образца по утвержденной норме. Материальное положение его еще более улучшается, когда он получает денежный перевод от жены государст. преступн. Юшневской из Петровского завода.

Интересно по этому поводу сообщение окружного начальника от 28 октября 1835 г. за № 142. „Из присланных ко мне при предписании г. состоящего в должности Ени-

сейского гражданского губернатора от 18 сего октября за № 2993 денег 500 руб., следуемых от жены государственного преступника Юшневского в виде подаяния таковому же Петру Фаленбергу, препровождая при сем 245 руб., что составит с употребленными при пересылке оных в пользу почты 250 р., предписываю выдать оные Фаленбергу с распискою, которую представить ко мне, а между тем объявить ему, что остальные затем 250 руб. выдадутся ему в 1836 году".

Это сообщение документально подтверждает лишний раз тот факт, что обладавшие крупными средствами Волконская, Трубецкая и Юшневская оказывали материальную поддержку бедствующим на поселении декабристам. Займы были запрещены декабристам, и поэтому практиковалась столь неудобная и оскорбительная форма помощи: „в виде подаяния". Не желая накопления значительных сумм в руках декабристов, из боязни возможных побегов, правительство не выдавало им сразу всех денег, а роспределяло их на несколько годовых выдач. Быть может, в данном случае начальство так же имело и „отеческое попечение", чтобы гос. преступник не прожил в один год всех денег а соблюдал разумную экономию в расходовании своих рессурсов.

В связи с занятиями сельским хозяйством декабристам необходимо было выезжать из места своего поселения на несколько десятков верст в окрестности. В начале это было запрещено, затем, по сношении генерал-губернатора Восточной Сибири с Бенкендорфом, последовало разрешение с известными ограничениями. В отношении Енисейского губернатора к окружному начальнику по этому поводу говорится следующее. „О дозволении гос. преступ. отлучаться для промыслов, поселянам свойственных, из мест жительства, не далее однако пределов волости, в коей поселены, его сиятельство находит, что таковые отлучки могут быть допускаемы при строгом во время оных надзоре и не иначе, как с испрашиванием каждый раз дозволения на то местного начальства и с тем, чтобы подобные отлучки были разрешаемы на известное непродолжительное время".

Енисейский губернатор Копылов понял выражение „с дозволения на то местного начальства" в слишком широком значении и сделал таковые отлучки чрезвычайно стеснительными для декабристов. Он требовал от Минусин. окружн. начальника в предписании от 28 ноября 1835 г. за № 819, чтобы

„о желании тех поселенцев воспользоваться предоставленным им правом, каждый раз доводить до моего сведения, для представления о том г. исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири и ожидать разрешения".

За всяким пустячным выездом по неотложному делу приходилось вести длительную переписку со всеми инстанциями включительно до генерал-губернатора, а то и выше, что иногда пагубно отражалось на благосостоянии хозяйства. С этим обстоятельством мы не раз встретимся в дальнейшем изложении.

В конце 1835 года Фаленберг получает корреспонденции и посылки от своих друзей, которые его не забывают, поддерживают с ним духовную связь и скрашивают его одиночество. 24 окт. зарегистрировано окружным начальником второе письмо от Игельстрома, без обозначения места отправления (вероятно, из с. Тасеевского), а 10 декабря получение ящика в коже с 4-мя французскими книгами от Юшневской.

1836 год внес в скучную жизнь Фаленберга большое оживление и до известной степени вдохнул новые силы для деятельной практической работы. Отчасти виною этого поворота и вписанием новой главы в жизненную повесть Фаленберга была ссылка в Шуш декабриста Фролова, товарища Фаленберга по каторге. Фролов появился летом 1836 г. Но мы ничего не сказали еще о фактах первой половины этого года. Будем верны хронологическим датам.

13 января 1836 года, наконец, Фаленберг получил первое казенное пособие из 200 руб. по следующему расчету: причитающиеся с 9 апреля 1835 г. по 1 января 1836 г.—145 рублей 54½ к. и паек за муку 9 р. 86½ к. и за крупу 1 р. 87 к., а всего 157 р 28 к. Таким образом, пособие Фаленбергу было выдано за ³/₁ минувшего года, считая со дня опубликования циркуляра гр. Бенкендорфа.

Зимой 1835 года у Фаленберга теряется лошадь; по слухам, она оказывается в дер. Патрошиловой в 40 вер. от Минусинска. Декабрист затевает переписку по всей бюрократической лестнице. К счастью, иркутский генерал-губернатор не задержал ответом, и через месяц с небольшим, в конце января 1836 г., Феленберг получает разрешение выехать в Патрошилово, при чем отпуск ему дозволяется на неделю и с примечанием окр. начальника Кузьмина: „Как дорога из села Шушенского в д. Патрошилово лежит через

Минусинск, то чтоб он явился ко мне". В архиве далее имеется личная расписка Фаленберга о явке к Минус. окр. начальнику.

В оффициальной бумаге такое предписание о явке декабриста звучит суровым приказом; на деле это была благовидная форма для свидания друзей, волею закона изъятых от права свободного общения. Кузьмин и декабристы поддерживали между собой самые тесные дружеские отношения за все время ссылки в Минусинском округе.

20 января 1836 г. окружный начальник выдает Фаленбергу остальную сумму 250 р из „подаяния" Юшневской, присланного в прошедшем году.

В начале этого года опубликовывается новый циркуляр Бенкендорфа, имеющийся в делах архива, относительно вопроса о назначении пособия декабристам, где более детально рассматривается это положение. 1) „На казенное вспомоществование имеют право не только все неимущие декабристы, но также и те, кто получает от родственников менее 200 руб. в год; в этом случае они должны получать „достальную" до 200 р сумму. 2) Детей всех госуд преступников, в Сибири рожденых, освободить от платежа податей и повинностей до новой ревизии. 3) Все сие распространить и на поселенных в Сибири польских госуд. преступников. Немедленно представить, получает ли кто из России или Польши денежное вспомоществование, сколько в год, и кто из них совсем ничего не получает".

Денежное пособие от правительства, хотя и недостаточное для существования семьи, тем не менее, благодаря своей определенности и постоянству, до известной степени облегчает положение декабристов, крайне бедствовавших, подобно Фаленбергу, в первые годы поселения в сибирской глуши.

27 апреля в адрес Фаленберга, в обычном порядке, поступает посылка в холсте с 2-мя парами сапог. В предписании окр. начальника не указаны ни отправитель, ни место отправки, и мы не знаем, кто заботился в данном случае о Фаленберге. Вероятнее всего, его старые друзья по службе во 2-й армии и каторге—Волконские, Трубецкие или Юшневские.

Весной 1836 г. Фаленберг начинает задумываться о разведении большого огорода и о прочих доступных в его положении сельско-хозяйственных занятиях. Снова воз-

никает канцелярская переписка о разрешении ему выезда в с. Кавказское для покупки огородных семян. В этом селении встарину славились хорошие огороды, лучшие семена, вывезенные с юга России переселенцами поляками, немцами и украинцами. 26 мая 1836 г. окружный начальник Меркушов в предписании своем за № 109 сообщает:

„Г. генерал-губернатор Восточной Сибири изволил изъявить согласие на дозволение гос. прест. Петру Фаленбергу выехать для покупки огородных семян в Кавказское, село Шушенской волости, в коей он поселен, расстоянием за 100 верст, под надзором сельского начальства, которому вменить в обязанность наблюдать, чтобы Фаленберг, в проезде своем, не имел никаких сношений с госуд преступниками и польскими мятежниками, находящимися на поселении, и вообще с людьми подозрительными".

Предписание заканчивается требованием к сельским властям „по отправке его за сказанною надобностью в с Кавказское, строго наблюсти вышепрописанное".

Осенью 1836 г. поступает в Шушенское правление от Минусинского заседателя Куртукова запрос, отведена ли земля Фаленбергу. Переписка эта возникает не по инициативе заседателя или декабриста, а возбуждена сверху.

Из ответа Шушенской волости видно, что Фаленбергу отвели сенокосной земли около 4-х десятин, „хлебопашной же отводимо не было, по нетребованию им (Фаленбергом) оной, впредь до формального отмежевания чрез землемеров". Не имея достаточно сил и средств, Фаленберг не хотел заниматься посевом хлеба, а имел огород и покос.

Осенью 1836 г. поселенный в с. Курагинском, Минусинского округа, декабрист Тютчев, большой любитель охоты и рыбной ловли, заскучав по товарищам, самовольно выехал из Курагинского в Шушенскую волость, где рыбачил на р. Енисее и, вероятно, посетил Фаленберга и Фролова. По крайней мере, это рыбалка наделала немало переполоху и чиновничьей переписки, вызвавшей в результате усиление надзора за поведением декабристов. Окружный начальник Меркушов донес Енисейскому губернатору о самовольной отлучке Тютчева. Последовал строгий приказ по губернии и соответствующие распоряжения местной власти „строго наблюдать, чтобы преступники отнюдь не осмеливались никуда отлучаться из мест водворения их, без разрешения на то начальства... Неисполнение на будущее время

этого предписания останется на ответственности волостных начальников".

14-го июля 1836 г. в Шушенское прибывает на поселение Александр Филиппович Фролов, и в архиве мы находим особое „секретное дело о госуд. преступнике Фролове". Предписание, с которым он заявился на поселение, гласит следующее.

„Препровождая при сем в волостное правление, за присмотром казака Енисейского городового полка Василья Соловьева, государственного преступника Александра Фролова, содержавшегося в Петровском заводе, освобожденного по именному указу, данному правительствующему сенату в 14 день декабря 1835 г. от каторжной работы и назначенного по высочайшему повелению на поселение в с. Шушенское,—предписываю оному, водворив по принадлежности этого преступника, иметь за ним строгий сельский надзор и в последствии времени доносить мне (на основании предписанных правил) о поведении его, по истечении каждого месяца в начале другого; независимо же от сего, донести также мне о прибытии упоминаемого Фролова, о котором статейный список и реестр вещам его прилагаю у сего.

Окружной начальник Меркушов".

В качестве приложения при предписании посылается статейной список, характеризующий Фролова, как человека и преступника, и дающий нам сведения о его рождении, происхождении и пр. Этот политический формуляр, данный на каторге, мы приводим целиком.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК

о государственном преступнике Александре Фролове, обращаемом на поселение.

Имя, отчество и прозвание	Из какого звания.	Лет от роду.	Приметы.	Прежнее состояние, вина и наказание.	Какой веры и не значит ли мастерства	Холост или женат и имеет ли детей
Александр Филиппов сын Фролов	Из дворян	31	Мерою 2 арш. 6 вершк., лицом бел, глаза карие, волосы темно-русые, нос горбоват.	Бывший Пензенского пехотного полка подпоручик, за участвование в умысле на цареубийство согласием, и принадлежал к тайному обществу со знанием цели бунта. По высочайшей его		Холост

					императорского величества конфирмация, последовавшей в 10-й день июля 1826 г., лишен чинов, дворянского достоинства, осужден в ссылку в каторжную работу на 20 лет, потом поименным высочайшим указом повелено оставать в работе в 22 день августа 1826 г. на 15 лет, в 8-й день ноября 1832 г. на 10 лет и в 14-й день декабря 1835 г. освободить от работ, обратить на поселение в Сибири.	

Подписал: Плац-майор при Нерчинских рудниках,
полковник *Лепарский 2-й.*

В приложенном реестре вещам, выданном 6 июня 1836 г. при отправлении Фролова в Минусинский округ, перечисляются предметы одежды, обуви, белья и в заключение: „Сундук с столярным, слесарным и сапожным инструментом—1, с чайною посудою и книгами—1".

Реестр Фролова указывает нам на излюбленные занятия декабриста техническими ремеслами, в которых он считался большими искусником на каторге, да и не оставлял их и в Шушенском поселении.

Скажем несколько слов о личности Фролова. Это-сын начальника Керчь-Еникальской крепости, артиллерийского офицера. Детские годы провел в теплой семейной обстановке учился дома, впоследствии кончил военную школу и был прикомандирован к знаменитой Московской школе колонновожатых, учрежденной Ник. Муравьевым. Живой, увлекающийся юноша не остался в стороне от политического движения и, служа на военной службе на юге России, участвовал в Обществе Соединенных Славян, будучи введен в него своим начальником, капитаном Пензенского пехотного полка Тютчевым. На каторге молодой Фролов ушел весь в работу над собственным образованием, в часы досуга отдавался изучению различных ремесл, к которым он чувствовал особое тяготение, работал в столярной, токарной, в переплетной мастерских. Доктор Вольф, декабрист, приучил его к приготовлению лекарств, и они вместе сотруд-

ничали много лет в тюремной больнице. Летом Фролов разводил огород на каторжном дворе и выращивал впервые в Забайкальском крае прекрасные дыни и арбузы. Это была чрезвычайно деятельная, работоспособная личность, весьма способная и симпатичная, терпеливо сносившая тягости подневольной жизни.

В день приезда Фролова в с. Шушенское окружный начальник, на основании распоряжения губернатора, делает предписание о назначении строгого надзора за ним.

4 августа 1836 г. Меркушов приказывает волостному правлению выдать Фролову причитающиеся ему 17 р; 31 августа сообщает, что принадлежащие ему 240 руб. пришли почтой и за вычетом страховых денег в пользу почтового ведомства будут выданы ему 235 р. 23 коп.

Не успел оглянуться Фролов на новом месте, как вся энергия его направляется в сторону широкого развития сельского хозяйства В этом отношении он не походил на своего старшего товарища Фаленберга.

19 ноября он получает от окружного начальника сообщение с посылке ящика в холсте с 8-ю книгами по сельскому хозяйству и 6-ю книгами экономического и технического характера, а также 47 пачек различных семян.

На просьбу Фролова о поездке в дер. Городок, Шушенской волости, за покупкою лошадей для хозяйственных надобностей, окружный начальник, по сношении с губернатором, 22 декабря разрешает ему отлучку на 7 дней под надзором сельского начальства, которому вменяется, „чтобы Фролов в проезде не имел никаких сношений с людьми подозрительными и ссыльными из государственных преступников и польских мятежников".

29 декабря 1836 г. окружный начальник, на основании губернаторского распоряжения, дает приказ волостному правлению „иметь строжайшее наблюдение, чтобы госуд. преступники не смели ни с кем переписываться, помимо начальства, под опасением в противном случае за отступление строгой ответственности".

С 1837 г. секретная переписка о Фаленберге и Фролове соединяется в одно дело за каждый год, причем иногда в эту тетрадь входят и дела польских мятежников, поселенных в Шушенской волости.

В начале 1837 г. окружный начальник напоминает волости об обязательном доставлении сведений о декабристах

к 1-му числу каждого месяца, причем указывается, что всю переписку о госуд. преступниках следует вести „со всевозможною точностью и осторожностью".

В ответ на это требование поступает отзыв волости „за генварь месяц 1837 г."

Имена и прозвания	Какого поведения и чем занимается.
Петр Иванов Фаленберг.	Ведет себя хорошо, характеру кроткого и занимается хозяйством и чтением книг.
Александр Филиппов Фролов	Поведения хорошего, занимается слесарным ремеслом и домообзаводством.

Вообще 37-й год начинается с усиления надзора за политическими ссыльными, в силу появившихся каких нибудь слухов о возможных побегах. В делах Шушенского архива имеется на этот счет особое предписание окружного начальника Меркушова, чтобы во время отлучек находящихся в Минусинском округе политических преступников за промыслами до границ своих волостей, наблюдать строго, не существует ли между ними сходбищ или сношений, которые непременно должны быть воспрещаемы и если, что замечено будет, немедленно мне доносить".

Нет сомнения, что все эти предписания исходили не от местной власти, а были плодом канцелярского творчества III отделения, вдохновляемого гр. Бенкендорфом. Минусинские власти относились с доверием к декабристам, видя в них мирных, культурных и полезных для Сибири деятелей.

Далее мы должны отметить целый ряд посылок и корреспонденций, полученных декабристами в первую четверть 1837 года через окружного начальника. 8 февраля в адрес Фаленберга приходит „ящик в коже с железным кольцом, выложенным внутри серебром", заключающий в себе 7 тетрадей нот. Фаленберг был недурной скрипач, партнер декабриста Николая Крюкова, поселившегося в то время в Минусинске, с которым они раз в год составляли дуэты на скрипках. 3 марта Фролов получает ящик в коже с семенами. 14 марта приходит письмо и ящик с табаком в адрес Фролова. 29 марта—письмо Фаленбергу и Фролову. 6 апреля Фаленберг получает остаток в 100 руб „от высочайше дарованного" вспомоществования за 1836 год.

По жалобе декабристов выплывает снова вопрос о земельном наделе, и по этому поводу возникает оффициальная переписка. 10 апреля 1837 г. окружный начальник напоминает волостному правлению, что „государь император всемилостивейше повелеть соизволил отвести каждому из находящихся на поселении государственных преступников по 15 десятин пахотной земли близ мест жительства их, дабы предоставить им чрез обрабатывание оной средства к удовлетворению нужд хозяйственных и к обеспечению будущей судьбы их детей.

По сему высочайшему соизволению казенная палата в августе, а Минусинский Земский суд в сентябре месяцах 1835 г. сделали надлежащее распоряжение, и находящиеся в Шушенской волости госуд. преступники Петр Фаленберг и Александр Фролов объявили мне, что даже по сю пору земля им не отведена, а потому наистрожайше предписываю волостному правлению, не мало не медля, отвести землю по 15 десятин каждому из госуд. преступников, на точном основании указа Минус. Земского суда от 3 сентября 1835 г., оному правлению данного, и по исполнению с представлением расписок в принятии земли мне донести".

Очевидно, шушенское сельское общество не охотно предоставляло землю декабристам, и эта задержка с 1835 г. была причиной данной переписки. Впрочем, дело уладилось еще раньше, и мы имеем на этот счет донесение волости об исполнении, где сказано: „Из проживающих в с. Шушенском госуд. преступников Александр Фролов один только занимается возделыванием своей части земли и получает из оной посредством доход, а Петр Фаленберг вовсе таковой не возделывает, а только пользуется сенокосом, и что относительно польского мятежника Томаша Пржедзецкого, то как живет в Ермаковском поселении, об нем ничего неизвестно".

В апреле выдается Фаленбергу и польскому повстанцу Пржедзецкому „высочайше пожалованный" паек, вместо муки и крупы, деньгами в сумме 11 р. 62 к., которые приказано разделить между ними поровну.

Из майского донесения волости о поведении преступников мы узнаем, что Фаленберг начинает заниматься разведением табачной плантации у себя при доме, а Фролов попрежнему пашет землю и сеет хлеб. Фаленберг серьезно изучает табачное дело и читает литературу по этому воп-

росу. В июле он получает письмо с приложением книги „Наставление о разведении табака".

В отношении правительства к материальному улучшению жизни декабристов по прежнему наблюдается двойственная политика. Не разрешая поступать на службу ни в частные, ни в государственные учреждения, правительство поощряет их к занятиям сельским хозяйством, но когда хозяйство это расширяется и ставится на солидную ногу, оно боится благосостояния декабристов и тормозит до известной степени их попытки в этом направлении. Это замечалось на протяжении всех лет пребывания декабристов в Сибири и мы приведем в своем месте несколько характерных документов этого сорта, один из которых таков. Енисейский губернатор Копылов 21 сентября 1837 г. циркулярно сообщил Минусинскому окружному начальнику, как смотрят высшие власти на постройку декабристами домов и хозяйственных заведений.

„В июне 1829 г. г. исправлявший должность Иркутского гражданского губернатора входил к г. генерал-губернатору Восточной Сибири с вопросом, можно ли дозволять государственным преступникам, находящимся на поселении в Иркутской губернии, строить дом, мельницы и прочие заведения.

Г. генерал-губернатор Восточной Сибири, согласно существующим правилам, разрешив исправлявшему должность Иркут. граждан. губернатора дозволить состоящим на поселении госуд преступникам строить себе домы и другие необходимые в быту поселян заведения, в то же время доводил о том до сведения г. генерал-адъютанта гр. Бенкендорфа.

Его сиятельство уведомил г. генерал-губернатора, что он об означенном обстоятельстве докладывал всеподданнейше государю императору, и его императорское величество повелеть соизволил: доносить, что они будут строить.

О таковой высочайшей воле сообщив вашему высокоблагородию, я прошу *всякий раз доносить мне, кто из госуд. преступников, находящихся во вверенном вам округе, заводят или приобретают какую недвижимую собственность; в чем именно заключается такая собственность и какой цены*".

Приблизительно так же обстоял вопрос с получением денежных сумм декабристами и их семействами от родственников и друзей, с устройством денежных займов, уплатой

долгов и проч. За 1834 ый год мы уже имели случай наблюдать разрешение вопроса с получением 500 руб. Фаленбергом от Юшневской.

Теперь мы снова встречаемся с этим вопросом и с той же Юшневской, но в данном случае дело было серьезнее и по поводу этого конкретного случая дан был специальый руководящий циркуляр гр Бенкендорфом, переданный в копии Енисейским губернатором окружному начальнику 18 октября 1837 г. за № 662.

„Г. генерал-адьютант граф Бенкендорф, отношением от 24 февраля 1827 г За № 639, уведомил бывшего г. генерал-губернатора Восточной Сибири, что Иркутский гражданский губернатор, представив в III-е отделение собственной его величества канцелярии письмо от жены государственного преступника Юшневского жительствующему в Киеве г. Понятовскому, в коем она поручает ему выслать ей же в уплату долгов и на ее содержание 15, 000 рублей.

Его сиятельство имело в виду, что данными в руководство коменданту при Нерчинских рудниках высочайше утвержденными правилами повелено строго наблюдать, чтобы государственные преступники и их жены не могли получать от кого бы то ни было больших сумм ни в наличных деньгах, ни в ценных вещах, исключая только таких сумм, которые необходимы для их содержания и то не иначе, как по частям, смотря по надобности, нужным счел означенное письмо Юшневской препроводить к г. состоящему в должности Енисейского гражданского губернатора с тем, чтоб возвратить ей оное с объявлением помянутого постановления, по коему исполнение ее желания насчет высылки 15 тысяч рублей представляется невозможным. Приводимый же Юшневскою предлог, будто означенная сумма потребна ей отчасти на уплату долгов, не может быть принят в уважение, ибо при предписанном для госуд. преступников и их жен ограничении в содержании, она не имела права задолжать столь значительной суммы. Почему его сиятельство полагает необходимым по представлявшимся неоднократно случаям, принять меры со стороны начальства в тех местах, где находятся на жительстве государ. преступники, чтобы как им, так и женам их постановлено было ограничение в займе денег у посторонних лиц, ибо, во первых, существующая ныне для них возможность получать в займы деньги, значительными суммами, препятствует точно-

му исполнению высочайшей воли, коею определена годовая сумма на их содержание; и, во вторых, частные лица, надеясь на уплату занятых у них преступниками денег, по известности о достаточном состоянии родственников их в России, могут через то лишиться их собственности.

Получив при предложении председательствующего в совете главного управления Восточной Сибири список с означенного отношения его сиятельства к г. бывшему генерал губернатору Восточной Сибири, *я прошу ваше высокоблагородие иметь надлежащее наблюдение за поведением госуд. преступников и жен их, находящихся в ведении вашем, частными лицами и о замечательнейших из них доводить до моего сведения*".

Этот циркуляр взбудоражил местные власти, и окружный начальник спешно приказывает „объявить госуд. прест. Фаленбергу и Фролову с подпискою, чтобы они значительных займов у частных лиц, без моего ведения, не делали".

Такой же, приблизительно, результат имел и циркуляр губернатора о заведении домов и хозяйственных заведений. Шушенская волость донесла, что Фаленберг имеет мукомольную мельницу ценою в 375 руб. и избу с огородом в 35 р. Александр же Фролов никакой недвижимости не имеет.

„Секретное дело" 37 года заканчивается документом о загадочном ящике с 10-ю или 12-ю бутылками вина, привезенном томским купцом Мезенцовым в Иркутск и адресованном из Петербурга кому-то из декабристов чрез бывшего иркутского губернатора Цейдлера. Бумага эта обошла все сибирские поселения с запросом, не ожидал ли кто из декабристов получения этого вина, в частности, запрос дошел до Фаленберга и Фролова, и они отказались. Так ящик с вином и остался ожидать адресата на хранении в погребу у иркутского мещанина Балакшина. Такова история всех частных посылок, не зарегистрированных у начальства и в то же время получивших оффициальную огласку. „Секретного дела" за 1838-ой год нет в Шушенском архиве, поэтому перейдем к обозрению документов за 1839 год

В этом году никаких крупных фактов в жизни шушенских изгнанников не произошло, и мы вкратце познакомимся с ходом личных их обстоятельств.

В начале года последовал обычный краткий отзыв о поведении и занятиях Фаленберга и Фролова. О первом пишут по старому: „поведения хорошего и занимается чте-

нием книг", а о втором: „поведения хорошего и занимается хлебопашеством", хотя Фаленберг не только читает книги, но разводит огород, табачную плантацию, имеет дом, мельницу и летом покос, а Фролов ведет хозяйство, как заправский крестьянин, помимо полевой культуры, развивая подсобные промыслы. Видно, что на ежемесячные отзывы волостной старшина смотрит, как на неизбежное зло, и просто отписывается. В глазах минусинского начальства декабристы имеют прочно установленную хорошую репутацию и только, когда сверху поднимается шум и переполох, начинается и местная деятельная переписка.

1 марта в адрес Фаленберга поступает письмо и посылка в холсте на 30 руб К сожалению, окружный начальник более не отмечает, что и от кого получается декабристами. Вероятно, по-прежнему их снабжают из Петровского завода книгами, газетами, одеждою и платьем кн. Волконская, Трубецкая и Юшневская.

6 марта Меркушов делает запрос волостному начальству по поводу земельных участков, отведенных декабристам, в какой мере они использованы и какой дают доход. Очевидно, существовал донос губернатору, что декабристы владеют крестьянской землей и ее не возделывают, лишая тем земли нуждающееся сельское население. Меркушов задает определенный вопрос: „почему другие (земли) остались не возделанными и находятся без употребления". В нашем распоряжении нет ответа волости, но мы догадываемся, что речь идет все о тех же злополучных 15 десятинах пахотной земли, насильно навязанных Фаленбергу, которых он не обрабатывал.

Иркутский генерал-губернатор, получивший жалобы декабристов на задержку писем в волостных правлениях, дает приказ устранить эти отрицательне явления. По указанию Енисейского губернатора, Меркушов предписывает „ни под каким видом нисколько не задерживать писем госуд. преступников к их родственникам, адресуемых на имя его превосходительства и для пересылки к нему доставляемых оным правлением ко мне".

18 мая приходит письмо Фролову с приложением денег 100 руб. ассигнациями. 25 августа Фаленберг получает письмо с 10-ю рублями. Тем и заканчивается „секретное дело" 39 года.

1840-ой год внес в жизнь Фаленберга новые черты; с этого года он вступает в новую полосу,—многолетняя тоска, раскаяние, неудовлетворенность мало-по-малу проходят, и он возвращается к бодрой деятельной жизни. Причиной тому вступление его во второй брак с саянской казачкой Соловьевой, принесшей мир и успокоение его мятущейся душе. Впрочем, вернемся к хронологической последовательности фактов.

25 января пришло письмо Фролову с приложением денег 200 руб., а 23 февраля ему же посылка в холсте с чаем.

10 февраля Фаленберг венчался в Шушенской церкви с дочерью казачьего урядника станицы Саянской Анной Федоровной Соловьевой. Он это сделал тогда, когда получил известие о смерти первой жены Раевской, оставшейся в Европейской России. На этот семейный праздник съехались все минусинские декабристы, в том числе Николай Крюков со скрипкой. Свадьба прошла в станице Саянской в доме Соловьевых, причем сохранен был весь старинный свадебный церемониал с деревенскими играми и песнями. В Шушенском архиве почему-то не сохранилось ни одного документа о женитьбе Фаленберга, тогда как, по примеру других браков декабристов, следовало бы ожидать обширной переписки, включительно до царя.

В том же месяце от Енисейского губернатора поступает запрос, „занимаются ли госуд. прест. Фаленберг и Фролов на отведенных землях хлебопашеством, сеянием табаку, огородных овощей и т. п, какие приносит доходы; если кем из них отведенные земли остались не возделанные, то почему, т.-е. по нерадению или по одержанию их хроническими болезнями и др“.

Ответ Шушенского правления, найденный нами в черновике, весьма интересен и вскрывает истинную подоплеку действительных отношений, существовавших между волостным начальством и декабристами К веселому и простому Фролову, заделавшемуся настоящим землеробом, волостной голова чувствовал симпатию; немолодой, солидный Фаленберг, свитский подполковник, человек, ушедший в себя, да еще немец, не особенно любил разговаривать с пьяным Шушенским старшиной На этой почве между ними создались неприязненные отношения, след от которых сохранился в черновой бумаге, приводимой нами ниже.

Шушенский голова писал окружному начальнику: „Фролов сеет 4 десятины, снял 70 пудов, по случаю неурожаю, продажи не имел. Из государ. преступ. Петр Фаленберг отведенную ему землю не разрабатывает, якобы по одержанию хроническою болезнью (которой, впрочем, в нем незаметно по здоровому его виду), а имеет особый огород, в котором сеет табак, от которого получил в 1839 г. пользы 50 руб., и снял огородные овощи для домашнего обихода, а Ал. Фролов напротив того очень усердно занимается хлебопашеством, засевает 4 десятины хлеба, но по случаю летних засух и кобылки доходов не приобрел".

Внизу была характерная приписка, затем зачеркнутая писарем. "При чем волостное правление покорнейше просит внушить Фаленбергу, чтобы он по требованию волостного правления в оное являлся немедленно и не требовал бы к себе волостного голову, как оне сделал по настоящему предписанию".

14-го июня Фаленберг получает сразу 2 письма и 2 посылки, ценностью на 28 руб. серебром и другую —на 50 руб. ассигнациями.

У кого то из декабристов на поселении найден случайно пистолет и по этому случаю возникает новая переписка по всей бюрократической линии. В Шушенских делах существует предписание окружного начальника от 7 августа, в котором говорится: „Г. управляющий III отделением собственной его величества канцелярии генерал-майор Дубельт, вследствие отношения г. генерал-губернатора Восточной Сибири к г. шефу корпуса жандармов гр. Бенкендорфу о бывшем у государств. преступников случае от оказавшегося при них пистолета, просит сделать распоряжение насчет строжайшего подтверждения о воспрещении на основании высочайшего повеления иметь государ. преступникам огнестрельное оружие... Предписываю волостному правлению строжайше наблюдать, чтобы поселенные в ведомстве оной волости госуд. преступники не имели у себя огнестрельных оружий, с тем, чтобы таковые, буде окажутся у кого-либо из них, по осмотре в квартирах их немедленно были отобраны, о чем донести мне в то же время".

Нуждавшийся в средствах Фаленберг мечтал все время о поступлении на государственную службу и ходатайствовал пред Иркутским генерал-губернатором по этому делу. 8 августа 1840 г. получен был отрицательный ответ, в котором

характерно выразилось холодное отношение жандармских властей. „Вследствие просьбы госуд. прест. Петра Фаленберга об исходатайствовании ему всемилостивейшего разрешения на вступление в гражданскую службу в Сибири, г. генерал-губернатор Восточной Сибири входил в сношение с г. шефом корпуса жандармов графом Бенкендорфом, на что г. генерал-майор Дубельт, за отсутствием его сиятельства, уведомил г. генерал-губернатора, что граф Александр Христофорович находит с своей стороны невозможным утруждать государя императора докладом по сзначенной просьбе Фаленберга".

Без санкции царя декабристы не имели права устраиваться на какую бы то ни было, частную или государственную, службу, в то же время получить это разрешение от царя трудно было, вследствие личной недоброжелательности Бенкендорфа.

„Секретное дело" за 1841 год содержит 2 интересных документа Первый из них неожиданно дает минусинским декабристам широкое право выезда их с мест поселения в Красноярск для торговых надобностей. Любопытно, что в данном случае такое рискованное, с точки зрения охраны, разрешение дает генерал-губернатор по собственной инициативе, не сносясь с высшей жандармской властью. Вот это предписание, переданное через окружного начальника 5 сентября:

„Поселенные в Минусинске государственные преступники просили г. генерал-губернатора Восточной Сибири дозволить им приезжать в Красноярск для своих надобностей, где бы они могли закупать для себя такие предметы, которые в Минусинске или дороже или вовсе не бывает в привозе, и куда бы могли сплавлять с выгодою хлеб, говядину, сало и прочее, что дало бы тем преступникам средства к содержанию, в котором многие из них имеют крайнюю необходимость.

Его высокопревосходительство, убежденный этою просьбою находящихся в Минусинске государственных преступников, разрешает им приезжать отсюда в Красноярск для вышесказанных надобностей, только на непродолжительное время и каждый раз с ведома местного начальства.

Получив об этом предписание г. Енисейского граждан. губернатора от 27 минувшего августа за № 323, я предписываю волостному правлению объявить таковую его высо-

копревосходительства волю находящимся в с. Шушенском государственным преступникам".

Впрочем, мы не знаем ни одного случая выезда декабристов в Красноярск. Очевидно, это распоряжение генерал-губернатора вскоре же было отменено сверху.

Второй документ 1841 г. разъясняет нам, из-за кого была поднята канцелярская шумиха по поводу найденого в 1840 г. пистолета В предписании окружного начальника от 18 сентября указывается, что „г. шеф корпуса жандармов гр. Бенкендорф, по случаю открытия у госуд. преступника Лукина огнестрельного оружия, изволил распорядиться по начальству о воспрещении государственным преступникам иметь огнестрельное оружие".

Из почтовых отправлений этого года мы должны отметить получение Фаленбергом 26 февраля письма и посылки ценностью в 50 руб. ассигнациями, 20 октября письма и посылки в холсте и 31 октября двух писем в его же адрес. Таким образом Фролову за весь год не поступало корреспонденций, исключая, быть может, нелегальных получений, которые проходили частным образом через надежных посредников за все время ссылки декабристов, особенно за последние годы, когда местное начальство вполне сочувственно относилось к политическим преступникам, вращаясь в их среде и заводя приятельские и родственные отношения с ними (Князь Костров и др).

„Секретное дело" за 1842-й год начинается предписанием окружного начальника о явке Фаленберга и Фролова в Минусинск за получением денежного пособия от казны за 1840-ой год. Таким образом, пособие запаздывает ровно на год. 28 марта Фролову через волость выдаются 100 руб. ассигнациями, без указания отправителя, с особым примечанием, что „письмо на имя его, по случаю не отыскания его в канцелярии общего губернского управления, при предписании сем не прислано".

В сведении о поведении и занятиях государственных преступников за июль 1842 г. мы находим новые данные о перемене занятий их. О Фаленберге говорится, что, помимо табачной плантанции, он занялся выделкою кож. Про Фролова следует отметка, что он занимается табачною плантациею, хлебопашеством и исправлением разных комиссионных поручений от управляющего Ирбинским железоделательным заводом, недавно открывшемся в Минусинском округе.

6 ноября Фаленберг получает очень важное сообщение о разрешении ему генерал-губернатором выезда в с. Ирбинское для устройства на службу в Ирбинском железоделательном заводе. В предписании окружного начальника между прочим, сказано, что это делается „по уважению тому, что в последнем (с. Ирбинском) Фаленберг может иметь занятие при устраиваемом железоделательном заводе, который облегчит его способы содержания с семейством". Далее добавлено, что это предписывается „немедленно объявить Фаленбергу с подпискою, которую и представить к г. окружному начальнику и вместе донести о времени переселения Фаленберга в назначенное ему место".

26 ноября окружный начальник требует от шушенской волости объявить Фаленбергу о явке в Минусинск. для чего предоставить ему обывательские подводы. Очевидно, дело идет о переселении его из с. Шушенского в Ирбинский завод. Переезд Фаленберга не состоялся; дело заглохло, повидимому, потому, что было затеяно по инициативе Иркутского генерал-губернатора, входившего в положение декабриста, но не получившего согласия на это от Бенкендорфа.

„Секретное дело" 1843 года открывается приложением „именного списка государств. преступникам, проживающим в ведомстве Шушенской волости, Минусинского округа, с означением занятий их хлебопашеством на отведенных им землях".

№	Имена и прозвания	ОБЪЯСНЕНИЕ
1.	Петр Фаленберг	1-е) По одержимой хронической болезни хлебопашеством не занимается. 2-е) Саждением табаку хотя и занимается, но ремесло сие доставляет выгоды совершенно скудные, поелику холодный здешний климат влияние имеет более к повреждению сего растения, нежели к хорошему приведению его в употребление и потому занятие это служит только развлечением, но не способом к пропитанию.

2.	Александр Фролов.	С 1840 г. по 1842 й на отведенных землях засевал от 3-х до 5-ти десятин хлеба, но земли сии для хлебопашества неудобны, местами болотисты и солончасты, которые не только, чтобы приносили какой-либо доход, служащий к пропитанию, но в засушливые годы даже не возвращали семян и приводили в большие убытки, то как по этому, а при том и по болезни ног от ломоты, с 1842 года хлебопашество оставил.

В этом отзыве Шушенского правления положение декабристов рисуется в несколько более мрачном свете, чем на самом деле. Нам известно, что табаководство Фаленберга принимало постепенно широкие размеры, приготовлялся сигарный табак, на плантации его работали летом много шушенских жителей, в ссобенности детей, женщин и стариков. Хотя это производство, конечно, не достигало фабричных рамок, но тем не менее оно давало приличный доход. Давая неудовлетворительный отзыв, волость имела в виду, чтобы не лишили декабристов ежегодно казенного пособия и пайка, а также и не вызвали со стороны высших властей запрещения заниматься не сельским хозяйством, которое усиленно рекомендовалось свыше, а торговлей и промышленностью. Что касается Фролова, то, конечно, ельское хозяйство ему не приносило особенных доходов, так как земли крестьяне отвели ему самые негодные, на болоте да на солончаках, сам он был одинок, на руках его от каторжной тачки были мозоли и следы от кровоизлияния, и ему этот труд был не под силу, хотя и считался он в с. Шушенском первым землеробом среди крестьян.

30 апреля земский исправник Зееман-фон Эзерский предписывает волости немедленно сообщить о занятиях шушенских декабристов с указанием причин, почему их земли остаются невозделанными и проч. Предписание это вызвано губернатором, который имеет в виду ходатайствовать пред высшими властями о назначении казенного пайка и одежды за минувшие 1840, 1841 и 1842 годы всем госуд. преступникам, живущим в Енисейской губернии.

В сентябре появляется бумага Енисейского губернатора о запрещении всяких отлучек из мест поселений, кроме неотложных Этим объясняется причина оставления Фаленберга в Шуше. Предписание это было основано на новом циркуляре Бенкендорфа, ограничиванием право выезда декабристов со своих мест для устройства жизни: исключение из общего правила было сделано только для 3-х декабристов в Сибири: Веденяпина, Лисовского и Аврамова, вероятно, только потому, что разрешение им последовало давно со стороны самого Бенкендорфа и отменять собственное распоряжение ему показалось неудобным.

21 октября Фроловым было получено письмо и деньги 100 руб. ассигнациями, а 29 числа того же месяца пришла посылка. Отправители неизвестны.

„Секретное дело' за 1844-й год не существует. Рассмотрим „секретное дело" за 1845 год.

Енисейскому губернатору понадобились сведения о развитии табачной промышленности в губернии; Минусинский земский суд рапортом донес, что в Шушенской волости лучше всех посевом табаку занимается госуд. преступник Фаленберг. От него была затребована объяснительная записка о разведении табака, на основании которой волость сообщила следующее.

А) Разводимой табак, именуемый Амафорка или Вахорка, семена засеваются в парнике и по достижении растения величины обыкновенной капустной рассады высаживается в огород на гряды, собирается его от 10, а в урожайные годы до 15 пуд. Сбыт оного имеет на золотые промысла от 20 до 30 руб. ассигнаций за пуд.

Б) Прошедшего 1844 года делана была проба садить такак Виргинский, в виде опыта. Но по ранним осенним морозам, он не мог достигнуть совершенной зрелости; какового собрано с полпуда, токмо для собственного употребления.

В) На полях же в виде плантации от суровости климата посева табаку производимо быть не может; и потому некоторые жители табак того же свойства, как показано в первом пункте, хоть садят в огородах, но только для собственного их употребления.

Г) Фабрик для искусственной обработки табаку и прочих никаких нет.

Д)Торговлею табаком собственного произведения, кроме вышесказанного Фаленберга, жители не занимаются.

Минусинские власти доброжелательно относились к декабристам. В доказательство этого мы приводим еще документ. Фаленберг затеял строить амбар, нанял поселенца Гуляева, приписанного к Ачинскому округу, который не имел паспорта и должен быть выслан по месту приписки, чем нарушались материальные интересы Фаленберга, выдавшего вперед задаток Гуляеву. Узнав об этом, окружный начальник Мешков распорядился „высылкою Гуляева приостановить, т. к. билет на него затребован, и понудить его к исполнению обязанностей выстройки амбара Фаленбергу и иметь строжайший присмотр о неотлучке его никуда, впредь до окончания работы у Фаленберга".

27 апреля приходит от генерал-губернатора на вступление в брак разрешение Александру Фролову. Он женится тоже на саянской казачке, на дочери отставного урядника, Евдокии Николаевне Макаровой. Это—бывшая невеста декабриста Александра Беляева, неожиданно переброшенного из Минусинска на службу в Кавказскую действующую армию. Жена Фаленберга, бывшая саянская казачка Соловьева, была подругой Макаровой. Обе девушки были очень красивы, отличались природным умом и тактом; часто гостя в Минусинске у окружного начальника князя Кострова, вращались в интеллигентом обществе, перезнакомились со всеми Минусинскими декабристами, научились у них грамоте и восприняли элементарные сведения из географии, истории и пр.

На основании очередного отзыва о поведении декабристов за сентябрь 1845 г., мы узнаем, что Фаленберг приступил к постройке собственного дома, а Фролов поступил на службу в контору питейных сборов Минусинского Округа в качестве поверенного и также занялся постройкой себе дома, в виду женитьбы.

10 ноября Фаленберг получает посылку в коже. 29 ноября поступает казенное пособие Фаленбергу и Фролову в сумме 114 руб. 28½ коп. серебром.

1846-й год открывается в „секретном деле" со строгого предписания окружного начальника о немедленной доставке именного списка о госуд преступниках за истекшую „генварскую" треть года, за каковым следует приложение самого списка, ничего нового не заключающего. Сведения

о поведении и занятиях требуется представлять не ежемесячно, а 4 раза в год по третям, не позднее 5-го числа по истечении каждой трети.

19-го июля поступает денежное пособие Фаленбергу и Фролову в сумме 114 руб. 28½ коп. серебром.

В июле Фаленберг и Фролов возбуждают вопрос о перемежевании отведенной им земли, оказавшейся неудобною ни к хлебопашеству, ни к сенокошению. Енисейская казенная палата принципиально согласно на перемежевание но по недостатку землемеров в губернии обещает сделать это в будущем 1847 году.

Из именного списка за майскую треть видно, что хотя Фаленберг и Фролов состоят на службе, но не оставляют занятий и сельским хозяйством. Оба имеют дома „со всею принадлежностью", занимаются скотоводством, хлебопашеством и проч.

Земский суд 7-го ноября требует от волости представления сведений „о роде жизни государ. преступ. каждый, не позднее 3-го числа".

Таким образом и Земский суд и окружный начальник требуют одинаковых отзывов, но в разные сроки.

„Секретное дело" 1847 г. заключает в себе только именной список о поведении и занятиях, ничего нового нам не дающий.

В 1848 году губернатор через окружного начальника приказывает губернскому землемеру „отмежевать для сыновей шушенских декабристов в лете сего года узаконенное количество пахотной и сенокосной земли из пустопорожних мест".

Переписка 48-го года заканчивается указанием о полученном декабристами казенном пособии за прошлый год в сумме 114 р. 28½ коп. серебром, а также приводится сообщение о письме и посылке на 10 руб. серебром с холстом и платьем Фаленбергу.

„Дело" 1849 года не представляет ничего интересного В 1850 году окружный начальник сделал запрос, сколько лет гос. преступникам и каков состав их семейств, с указанием возраста. Этот документ знакомит нас с семейным положением декабристов. Фаленберг имел в то время 59 лет, жена его 38 лет, дочь Инна родилась 18 августа 1841 г., сын Федор—24 июля 1846 г. и сын Александр 9 февраля 1848 г. Фролов—45 лет, жена—30 лет, сын Николай—3-х лет и дочь Надежда—9-ти месяцев В том же

году имеется донесение волости о смерти сына Фаленберга Александра, имевшего от роду 2 года и 2 месяца.

„Секретного дела“ за 1851 г. не имеется в архиве. В 1852 году заседатель Вавилов дает предписание волости 18 января сообщить, кто из декабристов нуждается в пособии от казны, кто чем занимается и какое имеет состояние. В делах приложены лично составленные преступниками отзывы, из которых узнаем, что Петр Фаленберг имеет в с Шуше собственный дом, 3-х лошадей, 5 коров и 15 овец. Пашни не пашет, а сеет в огороде табак, дающий (смотря по благоприятному времени) в урожайный год от 10-ти до 15-ти пудов табаку. Не получая от родных вспоможения, пользуется казенным пособием 400 руб. ассигнациями в год“.

Отзыв Фролова: В селе Шушенском имею дом, пашу небольшую пашню наемными людьми, сам по слабости здоровья работать не могу. От родных пособия не имею, но получаю от казны ежегодно, тем содержу себя, жену и детей. И ныне в таковом пособии нуждаюсь“.

28 апреля, по повелению царя, сведения о декабристах, представлявшиеся в III отделение, приказано давать только раз в год и то по истечени его

В ноябре Фаленберг получает письмо и посылку на 30 руб. серебром.

За три последующих года—1853, 54 и 55—„секретных дел“ нет.

Нам остается рассмотреть последний год подневольной жизни декабристов.

За 1856 г. имеется „ведомость о лицах, состоящих под надзором полиции“ и последняя переписка о декабристах, переходящих к свободному состоянию. Из ведомости мы узнаем, что „П. И. Фаленберг имеет 66 лет, уроженец Лифляндской губернии; получает от казны пособие в каждый год по 114 р. 28½ к. серебром единовременно в году; имеет семейство, состоящее из жены, 1-го сына и 2-х дочерей. Поведения хорошего, в продолжении пребывания его в Сибири он не был замечен к склонности на неблагопристойные и противные общему порядку дела, а потому и на будущее время может он считаться вполне благонадежным“.

О Фролове отмечено, что он „уроженец Таврической губернии имеет 52 года, пособие от казны получает; имеет семейство, состоящее из жены, 2-х сыновей и 1-й дочери, которые находятся при нем. Поведения порядочного, потому

и можно увериться, что он может быть вполне благонадежным".

Манифест Александра II о всеобщей амнистии декабристам издан 26 августа 1856 г., но до провинции он не скоро дошел и в местных канцеляриях продолжают строчить по инерции все те же отношения, те же отзывы и ведомости...

11 го сентября Минусинский Земский суд, на основании приказа Енисейского губернатора, предписывает Шушенской волости „внесть в табель срочных сведений о переменах в семействах гос. прест. Фаленберга и Фролова; доносить сему суду каждогодно к 25 декабря".

Только спустя 2 месяца, 25 октября, Шушенская волость пишет Земскому суду, вероятно, по просьбе декабристов: „Высочайшим его императорского величества манифестом, состоявшимся в 26-й день августа с г., находящимся в Сибири государственными преступникам дарована свобода и дозволено возвратиться из Сибири и жить, где пожелают в пределах империи, за исключением только С.-Петербурга и Москвы.

А потому волостное правление осмеливается испрашивать разрешение Земского суда в том, за таковой высочайше дарованной милостью государственным преступникам о находящихся из таковых под надзором в ведомстве сей волости Петре Фаленберге и Александре Фролове, следует ли ныне прекратить имеемый за ними надзор и доставлять об них срочных сведений".

На что Земский суд 31 октября отвечает: „На рапорт Шушенского волостного правления от 25 октября за № 58, Земский суд дает знать, что государственных преступников Фролова и Фаленберга, по случаю дарованной им милости государя императора, из числа лиц, состоящих под надзором полиции, должно исключить, остановив и доставление об них сведений".

Годы ссылки закончились. Фролов, получив от умершего друга, декабриста Вольфа, по завещанию 5000 рублей, вместе с женою, дочерью и 2-мя сыновьями выехал в Россию. Бедный Фаленберг, не имевший средств, только в 1858 году смог выбраться из с. Шушенского, захватив с собою жену, сына и 2-х дочерей.

Минусинск 1925 г.

Александр Косованов.

Новые страницы из жизни минусинских декабристов.

Братья Крюковы.

Задолго до декабристов Минусинский край видел уже у себя множество ссыльных разных категорий. Сам город Минусинск, будучи на положении простого села, был населен не столько добровольными переселенцами, сколько каторжниками и поселенцами, предназначенными в качестве рабочих для Лугазского медного завода, находившегося в 25 верстах от Минусинска.

Много заброшено было сюда крепостных людей, сосланных жестокой рукой помещичьей власти. Старые метрические книги Минусинского Спасского собора пестрят именами „крепостных людишек" князей Долгоруковых, Гагариных, Голицыных, беглых, ссылно-поселенцев, „Крестьянских женок" и проч. Впоследствии высылка из Европейской России пополняется новой категорией людей—семьями старообрядцев, духоборов, скопцов, хлыстов и др. сектантов.

С 1828 года начинают прибывать в Минусинский округ декабристы. Первым приезжает Краснокутский, за ним Крывцов, братья Беляевы и другие.

В поисках новых данных о жизни декабристов, мы день за днем, на протяжении 1½ лет, искали следов пребывания этих государственных преступников в нашем крае. Предлагаемые вниманию читателя факты извлечены из местных и Красноярских архивов и дополнены воспоминаниями родственников декабристов и рассказами сторожилов.

Недостаток места, однако, не дал нам возможности охватить предлагаемую тему во всей фактической полноте, и будем поэтому кратки.

В половине 1836 года, спустя 3 года после прибытия Беляевых в Минусинск, в этот мирный уголок была заброшена новая партия декабристов: братья Крюковы, Киреев, Тютчев и Фролов.

Здесь на первых порах Крюковы нашли гостеприимный приют у бр. Беляевых, с которыми были связаны дружескими узами еще в бытность на каторге.

Ныне здравствующая на Кавказе 93-х летняя невестка Николая Крюкова, П. М. Сайлотова в присланных ею воспоминаниях подробно очертила нам жизнь минусинских декабристов. Она рассказывает, что братья Крюковы получали ежегодно от матери из Нижнего Новгорода значительные суммы денег и на эти средства они могли развернуть порядочное хозяйство. Сестра их, кн. Черкасская, жившая в Москве, скупо поддерживала братьев, высылала денег немного и не всегда аккуратно. Это был тип ханжи, которая, овдовев и оставшись бездетной, впала в пиетизм, не жалела средств на церковные дела и в то же время тяготилась помощью братьям Еще при жизни Черкасская завещала свое личное имущество, весь капитал и дом на Малой Дмитровке в Москве, известному митрополиту Филарету на религиозные цели.

По примеру Беляевых, Крюковы завели полевое хозяйство, которое сначала удовлетворяло лишь только личные потребности их, а со временем приняло торгово-промышленный характер.

Александр Крюков не интересовался сельским хозяйством, проводил целые дни за чтением книг и писанием дневников, а вечером уходил к окружному начальнику Меркушову поиграть в вист или бостон. Карточная игра была его страстью с молодости и он убивал целые вечера на эту игру.

Хозяйственые заботы лежали на младшем брате-Николае, человеке кипучей энергии, который полюбил земледельческий труд и повел дело очень хорошо. Превратившись в настоящего земледельца, он летом неделями жил безвыездно в поле и с большим увлечением работал. Он так же, как и Беляевы, арендовал большой участок, устроил заимку вблизи Беляевских владений верстах в 15-ти от города, по направлению к дер. Большая Иня, выстроил там просторную избу, баню, амбар и проводил в работе целое лето, изредка навещая город.

Крюков сеял пшеницу, рожь, овес, разводил скот, завел птичье хозяйство. Все это безпрерывно увеличивавшееся день ото дня благосостояние требовало рабочих рук, и Крюков прибег к наемному труду, наняв несколько годовых работников и работниц, которые круглый год и жили на заимке.

В 1854 г. умирает в Н.-Новгороде мать Крюковых (жена губернатора), и братья составляют доверенность на имя кн. Черкасской по приему имущества, денег, вещей и кредитных билетов, завещанных им покойной матерью.

Оставшись без регулярной помощи, которую получали Крюковы от матери, братья должны были подумать об увеличении своих рессурсов. Впрочем, Николай Крюков, заботясь о собственном благосостоянии, никогда не забывал и других, помогая не только советом, но и личными средствами всем, прибегавшим к его помощи. Сайлотова вспоминает, что приезжавшие из деревень крестьяне часто обращались к Крюковым с нуждой и всегда находили у них отклик, хотя правительство и запрещало всякие сношения жителей с декабристами. Сайлотова утверждает далее, что минусинская богодельня долгое время содержалась почти целиком на средства Николая Крюкова.

По приезде в Минусинск, через несколько лет, Александр Крюков женился гражданским браком на ссыльнопоселенке латышке, вдове, Анне Николаевне Якубовой, урожденной Киве.

Позднее он оформил свой брак, когда ему было 55 лет, что видно из метрической книги Спасской церкви от 2 февраля 1853 года.

Якубова плохо говорила по-русски, была неграмотна, но, как хорошая хозяйка, умела угодить избалованному вкусу мужа своими кулинарными познаниями. От этого брака у них было четверо детей: Лев, Александра, Николай и Елизавета. Дети были записаны по фамилии матери Якубовыми. В семейной жизни Александр Крюков держался особняком. Жена для него не была другом-товарищем, а только хозяйкой-экономкой. Дети всецело были на попечении матери. Религиозный вопрос совсем не затрагивался: муж—атеист, а жена—лютеранка. Так до конца жизни Александр Крюков остался барином. Все заботы по дому, хозяйству и о детях лежали исключительно на жене.

Всеми присылаемыми из России деньгами, подарками от матери, доходами от сельского хозяйства и торговых оборотов распоряжался Александр Крюков, как старший брат. Купец Белов, ездивший на Нижегородскую ярмарку нередко привозил от губернатора Крюкова одежду, белье, различные домашние вещи для сыновей.

После амнистии 1856 г. Александр Крюков почти последним выехал из Минусинска. Задержка отъезда объяснялась неисправностью бумаг жены, которая, как бывшая поселенка, находилась на особом положении, и потребовалось много времени на оформление ее документов.

Уезжая временно в Европ. Россию для устройства своих дел по завещанию матери и получению документов для жены, Ал Крюков оставил доверенность жене и брату на управление домами. В 1859 г., т. е. только черев 2 года, он исхлопотал себе деньги и документы и вернулся в Минусинск, а летом 1860 г. он совсем уехал в Россию. Перед етъездом на родину, на случай смерти в дороге, 2 июня 1860 г. он составил духовное завещание. Все движимое и недвижимое имущество и капитал в акциях о-ва железных дорог на сумму 28.750 руб. завещатель оставлял жене с тем, чтобы она, выделив лично себе 8000 р., остальные распределила между детьми, из коих имеют получить: „1 часть дочь ее, девица Александра, 2 части—сын Николай и дочь моя Александра Александровна Крюкова 1 часть, и этой последней в таком случае, если она не получит до времени раздачи наследственного капитала от кого бы то ни было какого-либо наследства, не менее, впрочем, как на 5000 руб. серебром, в таком разе следующая ей часть поступает детям жены".

Последними актами уезжающей семьи Крюковых в делах Минусинского окружного суда являются два: Дарственная запись Крюковой от 3 июня на имя замужней дочери Агафьи Кузьминичны Лубянэй на платье, посуду и серебро в сумме 900 руб и купчая крепость от 7 июня на продажу дома Тюменскому купцу Молодых за 1000 руб. серебром. Этот дом в настоящее время принадлежит Дамаскину.

По ликвидации всех дел Александр Крюков с женой и детьми выехал в Киев. Здесь вскоре умирает его жена. Он, получив от сестры Черкасской свои и умершего в Сибири брата Николая имения, продает их в спешном порядке и уезжает за границу. Имения эти случайно сохранились от

конфискации благодаря мужу сестры-кн. Черкасскому, который, пользуясь своими связями при дворе, сумел перевести их во-время на имя своей жены. С получением денег Ал. Крюков уехал в Брюссель. Дряхлый и больной старик подпал под влияние одного бельгийского афериста, убедившего его вложить весь капитал и совместно открыть какую-то фабрику. Ловкий аферист, захватив деньги у доверчивого русского человека, сейчас же скрылся.

Это окончательно убило старика и он вскоре умер, (в 1867 г.) оставив на чужбине 4 х детей нищими и даже не под своей фамилией. Русский посланник донес о них в Россию, и Александр II разрешил прислать детей на родину и записать под фамилией Крюковых. Двое детей остались в Бельгии, а сын Лев и самая младшая дочь Елизавета возвратились в Россию. Малолетняя Елизавета была помещена в Киевский Женский Институт, окончила его и вскоре умерла, будучи девушкой. Лев Крюков служил по железнодорожному ведомству и в глубокой старости умер. Оставшиеся записки, книги, дневники декабриста, к сожалению, погибли в большом Минусинском пожаре 70-х годов, и жизнь Крюковых освещена нами только, благодаря некоторым документам Енис. Губ. Архива и воспоминаниям П. М. Сайлотовой, которая до сих пор сохранила в своей удивительной памяти не только факты и лица, но и многие даты, касающиеся жизни минусинских декабристов.

Совсем иным человеком представляется нам Николай Крюков. Он вполне сумел в своей жизни аристократизм происхождения соединить с глубоким демократизмом убеждений. Взявшись за соху, он не ушел от высоких идей европейской культуры и до конца дней интересовался наукой литературой и искусством. Талантивая, развитая натура, он всему уделял свое место и время и не впадал в крайности, подобно своему старшему брату. Оттого, быть может, и его судьба не была столь капризна.

Вслед за старшим братом он также вступил в брак, связал свою жизнь с местной урожденкой Марфой Дмитриевной Сайлотовой, женившись на ней гражданским браком, в ожидании возвращения прав. Это была инородка Сагайской Степной Думы, смешанной крови, женщина тихая, от природы тактичная, неглупая, прекрасная хозяйка, жена и мать.

У них было три сына: Михаил, Иван и Тимофей Несмотря на неравенство развития, супруги Крюковы вполне сог-

ласно воспитывали своих детей и у них на этой почве ни когда не выходило никаких недоразумений. Всех своих детей Крюков учил сам, интересовался жизнью детей и был примерный отец. В этом отношении он не походил на старшего брата. За живой и веселый характер прозвали его в Минусинске „французом". Он страстно любил музыку, имел хороший голос (бас), как и старший брат, хорошо играл на скрипке и даже давал уроки музыки минусинцам, что ему начальством не возбранялось. В свои поездки с друзьями декабристами в с. Шушенское к Фаленбергу и Фролову, Николай Крюков всегда брал с собой скрипку и ноты и там с увлечением они играли с Фаленбергом дуэты.

Николай Крюков, смолоду увлекавшийся материалистической философией, так и до старости остался равнодушным к религии. В доме у них не было ни лампадок, ни церковных книг, не соблюдали постов, не приглашали священника: по словам Сайлотовой, жена Крюкова, как инородка, была крещена после смерти родителей 4-х лет и взята на воспитание крестьянкой—ее крестной. Как приемыша, ее душили работой. Какая уж там религия! Их дети, хотя и ходили в церковь, но молитвы выучили при поступлении в гимназию". Таким образом видно, что религиозный элемент совершенно отсутствовал в воспитательной системе Крюковых.

Здоровый образ жизни вел Ник. Крюков. Физический труд для него имел какую-то особенную обаятельную силу. Проводя лето с работниками на заимке и принимая всегда личное участие в сенокошении и уборке хлеба, зимой в городе он отдавался ручному труду. Он завел столярный верстак, токарный станок и весь необходимый в этом деле инструментарий. Почти всю мебель для домашней обстановки он сделал своими руками Это был от рождения труженик, живая, неиссякаемая энергия. Он много работал, несмотря на то, что на ладонях рук у него были кровоподтеки, оставшиеся на всю жизнь от тяжелой работы киркой в каторжных рудниках. Жалея брата Александра, он и за него часто работал, помогая ему в окончании каторжного урока. Мебель у Крюковых была выкрашена в красный цвет. Смеясь, он называл ее: „мебель красного дерева". Для кабинетных занятий он соорудил великолепный письменный стол, весьма затейливой работы, который в семье назывался потом „дедово бюро". Свою страсть к столярной работе

он передал сыну Ивану, который еще мальчиком сделал себе кровать. Последние годы жизни Николай Крюков проводил больше в городе, передав главное ведение хозяйством старшему сыну Михаилу, вместе с женой и детьми постоянно жившему на заимке.

Двух лет не дожил Николай Крюков до амнистии. Ему не суждено было своими глазами увидеть многое из того, о чем мечтали декабристы, за что они страдали и что капризным гением истории было потом осуществлено в действительности. 30 мая 1854 г. Крюков скончался в Минусинске от воспаления мозга и похоронен на старом упраздненном кладбище, примыкающем теперь к каменной ограде нового кладбища. По указаниям Сайлотовой, могила находилась вправо от старых ворот, в близком расстоянии от них между четырех сосен, окаймленная кирпичной оградой, Рядом с мужем через 14 лет—15 февр. 1868 г.—была погребена и жена Марфа Дмитриевна, 68 лет. К сожалению, нам не удалось найти могилы Николая Крюкова и его жены, несмотря на вполне конкретные указания родственников.

За 2 дня до смерти, 28 мая 1854 г., Николай Крюков оставил завещание на имя жены и детей ее—Ивана и Тимофея Сайлотовых. На основании завещания, дом и имущество переходят жене покойного с детьми; основной капитал остается неприкосновенным в банке до совершеннолетия младшего сына Тимофея; проценты с этого капитала идут на содержание вдовы и ее детей; при наступлении указанного срока, со взаимного согласия, капитал разделяется на 3 части и каждое лицо берет свою часть; в случае смерти Тимофея, капитал распределяется на 2 части между оставшимися лицами; вложение капитала в кредитное учреждение доверяется совместно трем лицам: Александу Крюкову, жене и губ. секретарю Корсаку (польскому повстанцу). Завещание писал со слов Н. Крюкова декабрист Иван Киреев.

К 1860 г. значилось в Сохранной Казне Московского Опекунского Совета 24. 665 руб. серебром, поступило процентных денег за 1860 г.—2056 р. 10 к., израсходовано опекуншей 1175 р. 79 к. и в остатке 1851 г. числилось 25. 545 р. 31 к.

Вдова Крюкова отправила сыновей Ивана и Тимофея в Томскую гимназию. По окончании гимназии Сайлотовы вместе с матерью уехали в Москву и поступили в университет. Иван Сайлотов не окончил курса и умер студентом, будучи похоронен на Ваганьковском кладбище. В 1866 году

Т. Н. Сайлотов составляет дарственную запись на дом своего отца в Минусинске, передавая его жене брата Михаила Пар. Мих. Сайлотовой с детьми ее: Иваном, Александром, Елизаветой и Клавдией. Тимофей Николаевич *) Сайлотов по слабости здоровья оставил университет до окончания курса и вернулся с матерью в Минусинск. Здесь он с братом Михаилом купил в д. Самодуровке водяную мельницу, усовершенствовал ее, введя впервые в крае помол крупчатки. Дело пошло хорошо, но когда минусинский богач Гусев построил паровую мельницу, то конкуренция стала невозможной, и Сайлотовы ликвидировали свое маленькое дело.

Т. Н. Сайлотов поступает сначала учителем, а затем инспектором местного городского училища. Прежний заведывающий жестоко драл учеников розгами. Со вступлением Сайлотова резко меняется к лучшему физиономия училища: просвещенный педагог пробует поставить школу на новый лад. Вместе с Н. М. Мартьяновым и учителем Н. У Поповым Сайлотов много кладет трудов при основании местного музея, совершая по уезду ежегодные научные экскурсии. Задолго до открытия в Минусинске женской прогимназии он дает первый толчек развитию женского образования в крае, учреждая отдельный класс для девочек при городском училище. С 1883 г. Сайлотов переходит на службу в Акцизное управление, но не оставляет своих научных работ. За свои заслуги перед городом, постановлением городской думы, Сайлотов избирается почетным гражданином города Минусинска.

31 марта 1918 г. Т. Н. Сайлотов, 72 лет, умирает в Красноярске „от старости", как значится в метрической книге Всехсвятской церкви.

И. В. Киреев.

Вместе с Крюковыми в 1836 г. прибыл в Минусинск и декабрист Иван Васильевич Киреев.

Здесь он первые годы прожил в доме Беляевых, разделяя их труды и занимаясь частными уроками. Впоследствии Киреев приобрел собственный домик и в нем прожил до отъезда в Россию. Впрочем, это он сделал только в 1857 г., купив дом на имя жены по Георгиевской улице у мещанина

---

*) *Примечание:* Во всех документах называется „Алексеевич", как и брат его Михаил; они считаются детьми первого мужа М. Д.—Сайлотова

Скобелина за 100 руб. 10 июля 1861 г., не задолго до возвращения в Россию, дворянка Киреева продала этот дом за 100 р. серебром мещанину Егонскому.

К сельскому хозяйству Киреев не питал особых склонностей и при первой представившейся возможности устроился на частную службу. Он заведывал винным складом, принадлежавшим компании винных откупов в Енисейск. губ. Откуп тогда процветал в Сибири и пьянство безграничным морем разливалось по селам и деревням.

Естественно, что винный откуп не мог удовлетворить идейного человека и, по словам Сайлоговой, Киреев морально страдал от этого противоречия действительности с его жизненными идеалами, но крайняя необходимость заставляла всетаки служить его, так как двери правительственных учреждений, в большинстве случаев, были закрыты для декабристов.

Уже немолодым человеком Киреев женился на крестьянской девице с Абаканского, Фекле Ивановне Соловьевой. В метрических книгах Минусинского Загса значится, что Киреев венчался 17 августа 1852 года, первым браком, 47 лет. Одним из свидетелей при бракосочетании был, между прочим, декабрист Николай Крюков.

О семейной жизни Киреева мы знаем немного. Метрические справки Енис. Губархбюро говорят нам, что у Киреевых было двое детей: 2 марта 1853 родился сын Алексей; 27 апр 1857 г. появилась на свет дочь Таисия. Одним из восприемников при крещении был окружный начальник, князь Костров. В 1859 г родилась еще дочь Екатерина, но через год она скончалась от воспаления мозга. Кроме того, они воспитывали еще племянницу, родственницу жены декабриста.

По характеру Киреев был человек прямой, честный, но горячий спорщик, почему многие избегали ему противоречить. Как человек кабинетный, Киреев не любил общества и стоял от всех особняком, бывая только в семье Николая Крюкова, к которой он сохранил искреннюю привязанность и после смерти декабриста. По отзывам всех, близко знавших Киреева, это была добрая, мягкая и кроткая натура. В молодости он увлекался материалистической философией, под влиянием декабриста Борисова на каторге, не верил в бога, но на склоне лет снова стал христианином.

Киреев представлял из себя очень образованного и начитанного человека, который страстно был предан литературе и сам не мало писал научных и политических статей. Многие сочинения по каким-то мотивам Киреев писал на французском языке, и все рукописи и книги почему-то хранил в доме Ник. Крюкова. После возвращения Киреева на родину, у Крюковых остался большой ящик его рукописей и книг, который, к несчастью, во время большого минусинского пожара сгорел в одном из домов Крюковых на Троицкой площади.

После амнистии Киреев долго не мог выехать на родину, за неимением средств, но отзывчивое Тульское общество, узнав о печальной участи своего согражданина, собрало средства на его поездку и пригласило вернутся на родину. По словам Сайлотовой, радушие и гостеприимство тульских граждан простиралось и далее. Туляки купили дом с полной обстановкой и преподнесли И. В. Кирееву, кроме того назначив ему еще пожизненную пенсию от городского общества.

Киреев с радостью принял предложение земляков и в 1861 г. выехал с семейством в Тулу.

А. И. Тютчев.

В 1836 г в с. Курагинское прибыл Алексей Иванович Тютчев.

О пребывании Тютчева в Минусинском округе не опубликовано до сих пор ни одного документа, и нам с большим трудом удалось добыть несколько новых небезынтересных данных о жизни Тютчева в нашем крае.

Родной брат знаменитого поэта—Федора Ивановича Тютчева, Алексей Иванович происходил из дворян Орловской губ., родился в 1801 г., учился в Морском корпусе, не окончив курса, вступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, откуда, после известного солдатского бунта в 1820 г., переведен в Пензенский пехотный полк на юг России, в чине штабс-капитана.

В 1825 г. Тютчев вошел в Тайное Общество Соединенных Славян, сыграв вначале довольно заметную роль. Он первый сообщил Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину о существовании Южного Общества и присоединился к нему вместе со своими товарищами. Следственная

комиссия обвинила впоследствии его, как заговорщика для нанесения удара покойному Александру I и за то, что он приготовлял нижних чинов к возмущению.

Приговором Верховного Уголовного Суда Тютчев осужден на 15 лет в каторгу и на вечное поселение в Сибири. После заключения в Петропавловской и Финляндской крепостях в течении нескольких месяцев, он был отправлен на каторгу, отбыл 10 лет и в 1836. г. назначен в Минусинский округ на поселение, сначала в с. Тесинское, а потом в с. Курагинское.

В „секретном деле" Шушенского волостного правления за 1836 г. имеется предписание окружного начальника от 23 декабря за № 325, в котором категорически запрещается самовольная отлучка государственным преступникам из мест поселений. Бумага написана по поводу самовольной поездки Тютчева на р. Енисей в окрестности с. Шушенского для рыбной ловли.

Читая записку Енисейского губернского архивного бюро под № 230—1825 г, мы встретили дело Минусинского окружного суда о найденных Тютчевым человеческих костях около с Курагинского весной 1843 г. Заметя рядом с костями и разную ветхую одежду, Тютчев заподозрил преступление и немедленно сообщил о находке курагинскому старшине На сходке общественников выяснилось, что „это был крестьянин Ермолай Никитин, который, наверное, возвращаясь с праздника из деревни Муриной 6 или 7 декабря 1842 г., был сильно охмелен, упал и замерз". Суд постановил: случай смерти крестьянина Никитина „предать воле божией", а „всех спрошенных для разъяснения дела этого людей, по неприкосновенности их, от суда освободить".

Кроме этих случайных указаний да нескольких метрических сведений, мы никаких данных о Тютчеве в местных архивах не нашли. Курагинский период его жизни отчасти освещен недавно—П. М Сайлотовой, и дополнен сообщениями Курагинского учителя А. И. Жибинова, записавшего со слов старожилов рассказы о Тютчеве.

Отбросив легендарные рассказы о декабристе, остановимся на реальных фактах его биографии. В с. Курагинском Тютчев поселился в доме братьев Агапа и Фаддея Петровичей Жибиновых, местных зажиточных крестьян. Здесь он встретил их сестру, девицу Евдокию Петровну, и на ней женился гражданским браком. У Тютчевых было пятеро

детей, записанных по имени матери Жибиновыми. Тютчев не признавал церковного брака и говорил, что не хочет видеть своих детей детьми государственного преступника, „а пусть они будут вольными сибиряками".

Первое время Тютчевы жили вместе с братьями Жибиновыми, ведя совместно хозяйство; с появлением детей Тютчевы приобрели себе небольшой домик и перешли в него. Хозяйством декабрист почти не занимался, живя на казенное пособие и средства, присылаемые ему сестрой Бердяевой, женой управляющего Петергофским дворцом. Были годы, когда Тютчев очень бедствовал, но под конец жизни его материальное состояние несколько улучшилось. Это случилось, когда его племянница, дочь Бердяевой, вышла замуж за Минусинского окружного начальника князя Н. Л. Кострова и вместе с мужем и матерью, ради Тютчева, они приехали в Минусинск. Живя в Минусинске, Костровы наезжали иногда в с. Курагинское и оказывали материальную и нравственную поддержку декабристу.

Определенных занятий у Тютчева не было. Алексей Иванович учил деревенских ребятишек грамоте, писал крестьянам прошения и письма, по судебным делам своих сельских клиентов приезжал иногда в Минусинск, где посещал товарищей декабристов. Любил рыбную ловлю и особенно охоту, бродя с ружьем по островам р. Тубы. Говорят, он был замечательнейшим стрелком: стреляя из окна своего дома в табуны летящих гусей, он вибивал всегда несколько гусей. В обществе был всегда желанным гостем, веселым собеседником, юмористом, прекрасным рассказчиком анекдотов из придворной жизни и отличным певцом. Песни Тютчева еще в каторге утешали многих товарищей и вызывали настоящий восторг. Особенно хорошо А. И. умел петь народные песни. Недаром Курагинские старожилы приписывают ему создание нескольких песен о декабристах. Еще и сейчас живы в памяти Сайлотовой несколько фривольных стишков про царицу Екатерину, которые когда-то Тютчев распевал в своем товарищеском кругу: „Ах ты, Катя, Катерина!.. У тебя мягкая перина, ба-а-архатна-а-я!. Уж как ты меня любила, чаем кофеем поила, деревнями одарила и вдруг штуку отлила, меня в крепость заперла - шельма-а-а!!".

Минусинские декабристы любили его за простоту и веселый характер, бывали у него в Курагиной и помогали, когда приходила нужда.

Последние годы Тютчев, тоскуя в сибирской глуши по лучшей жизни, предался пьянству и пропивал иногда до последней копейки присылаемые ему деньги.

Получая из Петербурга от Бердяевой изредка крупные суммы (около 1000 р.), Тютчев устраивал кутежи. Попойки продолжались до тех пор, пока не пропивались все деньги. Около пьяного А Ив-ча увивалась теплая компания любителей „кутнуть". В таких случаях Тютчев любил втихомолку попеть песни о декабристах и всякие другие запрещенные песни. Не раз, как видно, гуливал Тютчев и с курагинским попом (Иваном Никольским), за что попадья частенько затворяла двери перед ним, приказывая всем домашним прятаться и не выглядывать в окна на проходящего мимо пьяного декабриста. Всегда в таких случаях, идя мимо поповского дома, Тютчев кричал: „Отцу Ивану Никольскому многая лета, а попадье Параскевье Ивановне типун на язык!"

24 января 1856 г., за шесть месяцев до амнистии, Тютчев скончался 54 лет „от горячки" и погребен в ограде Курагинской церкви, против южных дверей. Костровы перевелись в Томск, минусинские декабристы выехали на родину, и семья Тютчевых стала бедствовать. Сын Тютчева Петр, купаясь в Тубе, утонул, и это окончательно сломило душевное равновесие Евдокии Петровны,—она сходила с ума, покидала дом на произвол судьбы, и вскоре умерла. Рукописи, документы, фотографич. карточки и некоторые вещи декабриста в это время были растащены. Дочь Анна 12 мая 1858 г. вышла замуж за тюменского приказчика Александра Васильева и уехала с ним в Западную Сибирь. Другая дочь Мария вышла за крестьянина дер. Пойловой, Минусинского у., и недавно умерла. В настоящее время в с. Курагинском живет родной сын Тютчева, Алексей Алексеевич, 72 лет. Оставшись от отца 4-х лет он, конечно, ничего почти не помнит и передает рассказы об отце со слов родственников знакомых. Это-рядовой крестьянин с. Курагинского, землероб, и по развитию ничем не отличается от своих сельчан. Горькое детство ему выпало на долю: после смерти отца ему пришлось в качестве батрака ходить по чужим людям. В настоящее время он живет в семье сына, имея уже 16-летнего внука, и исполняет легкие работы в крестьянском хозяйстве.

Так грустно прошли годы ссылки Тютчева. Еще более печальна судьба его потомства, оставшегося после смерти

декабриста без средств, образования и нравственной поддержки родственников и друзей.

Н. О. Мозгалевский.

Из всей группы Минусинских декабристов Николай Осипович Мозгалевский был самым бедным, самым несчастным и многосемейным человеком, суровая жизненная судьба которого рано сломила его физические и нравственные силы. Вина его перед царским правительством была не велика, его причислили к VIII разряду и сослали на 20 лет в Сибирь.

Эго был сын небогатого мелкопоместного дворянина Черниговской губ., служившего чиновником в Нежинском Поветовом суде. С материнской стороны любопытнее: Виктория Карловна, урожденная де-Розет, являлась дочерью метрдотеля казненного французского короля Людовика XVI. Родившись в 1801 г., он ранние ученические годы провел в Нежинском народном училище и в разных дворянских пансионах, с 1814 по 1821 г.—в 1-м кадетском корпусе, после окончания курса в чине прапорщика назначен в Саратовский пехотный полк, стоявший на юге России.

У внучки декабриста Тат. Валент. Пановой имеется на руках подлинный формулярный список Н. О. Мозгалевского, в котором читаем о прохождении службы:

„Кадетом в 1814 г. августа 11-го в 1-м кадетском корпусе. Прапорщиком в 1821 г. января 30-го в Саратовском пехотном полку. Подпоручиком 1823 г. мая 1-го в сем полку.

В походах и делах против неприятелей где и когда был; также какие награды за отличие в сражениях и по службе получал?—Не бывал.

Российской грамоте, читать и писать, и другие какие науки знал ли?—Закону божию, полевой фортификации, геометрии, тригонометрии, геодезии, алгебре, рисованию, истории и географии, французскому и немецкому языку обучался.

В домовых отлучках был ли? Когда именно, на какое время и являлся ли в срок?—Не бывал.

В штрафах был ли? По суду, без суда, за что и когда? —Не бывал.

К повышению достоин или замечен именно на аттестат?—Достоин.

Холост или женат? Имеет ли детей, каких лет и какого вероисповедания?—Холост.

В комплекте или сверх комплекта при полку? В отлучке где находился, по чьему повелению и с какого времени? —В комплекте при полку на лицо.

Подавшись общему либеральному увлечению, он вступил членом в Общество Соединенных Славян, в восстании Черниговского полка не принимал участия и был судим за принадлежность к тайному обществу

В 1826 г. он прибыл в Нарым, Томской губ., здесь крайне нуждался первое время и искал себе заработка. 28 июня 1828 г. он венчался в Крестовоздвиженской церкви на неграмотной нарымской мещанке Евдокии Илларионовне Агеевой, а не Кутаргиной, как ошибочно указывает Дмитриев Мамонов в известном труде „Декабристы в Западной Сибири“, а за ним целый ряд исторических исследователей. [1]) С помощью родственников и при пособии от казны, он купил себе небольшой домик в Нарыме, занялся сельским хозяйством, но без особенных успехов, благодаря тяжелым климатическим условиям, и после многолетних ходатайств о переводе в Восточную Сибирь, в 1836 г. выехал в Минусинский округ.

Первоначально Мозгалевский назначен был в с. Тесинское, в 35 верстах от города, откуда был перемещен, согласно его ходатайства, в Минусинск, повидимому, не ранее 1840 года.

На поселении в Минусинске Мозгалевский продолжал бедствовать, но здесь его положение значительно улучшилось, благодаря поддержке товарищей декабристов. 19 января 1840 г. купил себе в Минусинске дом в 9 комнат у поселенца Курагинской волости Никифора Гагарина, помещавшийся на Большой ул. в соседстве с домами Бравина и Каверзина. В купчей крепости добавлено: „под домом сим

[1]) *Примечание:* Подлинный метрический документ о браке Мозгалевского хранится в Красноярске у Т. В. Пановой.

лежит земли-длиннику по улице 16, а поперечнику 30 саж., и взял он, Гагарин, с того Мозгалевского 200 руб. госуд. ассигнациями, а по переложении на серебро-57 руб. 14 7/7 коп". В настоящий момент этот дом перестроен и принадлежит Юрловой.

Уезжая на Кавказ, бр. Беляевы продали свою заимку со всем живым и мертвым инвентарем Н. О-чу, а по смерти его подарили семье покойного все указанное имущество. Мозгалевский занимался не только хозяйством, но и частными уроками у себя на дому, или, боясь преследований, секретно учил детей на Беляевской заимке. Одним из учеников его был, между прочим, Федосий Токарев, впоследствии выдающийся минусинский протоиерей собора, талантливый проповедник. Плата за уроки поступала натурой. Семена злаков и огородные Н. О. выписывал из России и всегда делился со старожилами, сообщая им также при случае и некоторые агрономические сведения. Мозгалевский садил арбузы и дыни, делал опыты с посадкой табака и разных других растений впервые в этом крае.

Беляевское хозяйство, перешедшее к Мозгалевскому, на некоторое время подняло материальные фонды его большой семьи, состоявшей из 8-ми детей.

По воспоминаниям многих лиц, Мозгалевский был скромный человек, большой труженик семьянин, без работы не сидел, сам пахал и сеял, под давлением роковых обстоятельств был угрюм, неразговорчив и казался строгим, хотя это в сущности был мягкий человек, кроткого и уживчивого нрава. Дружил больше всего с семьей Николая Крюкова, у которого находил поддержку.

Недолго пожил Мозгалевский в Минусинске. 14 июля 1844 г. он на 42-ом году жизни скончался, поднимаясь на крыльцо своею дома, „от чихотки", как сказано в метрической книге Спасской церкви.

Декабрист погребен на старом, давно уничтоженном городском кладбище, где в настоящее время находится базар, на Боградской площади, в 20 метрах к северу от Вознесенской церкви. От могилы его остался небольшой едва заметный холмик с высунувшейся из зели одним углом могильной плитой из красного песчаника. Жители и не подозревают, что это старая могила и принадлежит декабристу. Указание сделано нам невесткой декабриста А. Д. Мозгалевской.

Первые годы после смерти декабриста семья Мозгалевских существовала сносно, пока не иссякли оставленные покойным рессурсы. Евдокия Илларионовна не пала духом и умело руководила семьей. Это была женщина от природы умная, деловая, справедливая, но строгая Дети безусловно слушались ее. Она сумела воспитать в них уважение к памяти отца. Когда дети стали подростать, явилась необходимость дать им образование, на что никаких средств не было. Вследствие возбужденных ходатайств пред царем; 15-летний, самый младший, сын Виктор был принят в 1-ый кадетский корпус в Петербурге на казенный счет. В делах Енис.-Губ. Архива имеется доверенность дворянки Евдокии Иллар. Мозгалевской от 9 июня 1858 г. Псковского Губ. Торопецкому 3-ей гильдии купцу Ив. Федор. Педекареву на доставление Виктора Мозгалевского в корпус, как сказано, „по воле его императорского величества“ и далее добавлено: „и в сдаче в корпус взять квитанцию на мое имя и выслать для получения в г. Минусинске из окружного казначейства прогонных денег, следующих за проезд сына моего Виктора“. По рассказам внуков, он окончил корпус и военное училище, служил офицером, дослужившись до чина генерал-майора, до империалистической войны был жив, дальнейшая судьба его не известна.

Нужда снова заглянула в семью декабриста Мозгалевского, и мать стала искать выходов. Говорят, что были дни когда в доме не было ни хлеба, ни чаю, ни сахару и экономили даже огонь. Евдокия Иллар. убегала к соседке, чиновнице со средствами, известной в городе под названием „майорши“ (жена майора), там работала по утрам, ставила самовары и проч. и за это получала хлеб, чай и сахар. Все это ужасно угнетало старушку. Старший сын Александр женился и первые годы занимался в Минусинске сельским хозяйством, живя вместе с матерью, а затем поступил на частную службу. Павел и Валентин, когда подросли, были отправлены служить на золотые промыслы в Амыльскую систему. Во время призыва их на военную службу, мать наняла вместо них других людей, так называемых в то время „наемщиков“. Эту сумму вдова получила от золотопромышленников под залог своих детей, принятых на службу на несколько лет.

Дальнейшая судьба обоих братьев сложилась трагически. Валентин Мозгалевский был убит 26 января 1876 г.

своими рабочими на приисках. Другой брат, Павел, 10 мая 1881 г. покончил самоубийством из револьвера, проездом на свой прииск, в д. Покровке.

28 февраля 1888 г. умерла жена декабриста от паралича, на 77 году жизни. Могила ее находится на Красноярском городском кладбище.

Источники, которыми пользовался автор при составлении труда: „Новые страницы из жизни Минусинских декабристов".

1) Записки №№ 2, 4 и 5. Енисейского Губернского Архивного Бюро. Красноярск. 1924—25 г г.

2) „Секретные дела" Шушенского волостного правления за 1834—56 г. г. Мартьяновский Музей.

3) Метрические книги Минусинской Спасской церкви. За 1833—56 г г. Минусинский ЗАГС.

4) Воспоминания о минусинских декабристах П. М. Сайлотовой (не опубликованы). Пятигорск 1925 г. (у автора).

5) Записки о декабристе Тютчеве. составленные со слов старожилов с. Курагинского, Минусинского округа, учителем А. И. Жибиновым 1825 г. (у автора).

6) Сведения о декабристе Мозгалевском, собранные В. А. Смирновым, В. Х. Горбуновой и А. П. Косовановым от родственников декабриста и местных старожилов. Красноярск-Минусинск 1925 г

Примечание: Все даты, встречающиеся в тексте, по старому стилю.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ИЗДАНИЯ,

ИМЕЮЩИЕСЯ НА СКЛАДЕ ГОСУДАРСТВ. МУЗЕЯ ИМЕНИ Н. М. МАРТЬЯНОВА.

АДРЕС: Г. МИНУСИНСК, ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБ. МАРТЬЯНОВСКАЯ УЛ. СОБСТВЕННЫЙ ДОМ.

Аврианов. А. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. (Дополн. к работе Горощенко, К. Курганные черепа Минус. Окр.) Минус. 1902-24. 4º 41—76 стр. . . . . 1 р. — коп.

Боголюбский, И. Исследование древностей Красноярского и Минусинск. Округов 1881, 1882 и 1883 г. Петрог. 1890 г. 8º 38 стр. — р. 25 коп.

Ватин, В. Минусинский Край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск 1913 8º IV+212 . . . . . 1 р. 50 коп.

Его же Село Минусинское Исторический очерк. Минусинск 1914. 8º VI+179 . . . . . 1 р. 25 коп.

Его-же Город Минусинск. Исторический очерк Минусинск 1916—1922 г. 1 часть. 8º I+394 . . . . . 3 р. — коп.

Горощенко, К. Курганные черепа Минусинского Округа Материалы по доисторической археологии и антропологии. Минусинск 1900 г. 4º 40 стр. и 1 табл. . . . . 3 р. — коп.

Ежегодник Государствен Музея имени Н. М. Мартьянова т. I, вып. 1 Минусинск 1923 г. 8º VII+69 стр.

Содержание: **В. Кожанчиков.** Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского Края. **Л. Кожанчиков** К биологии харпуса в Буйбинском озере **И Кожанчиков** и **А. Герасимов-Морачинский.** Орнитологические заметки . . . . . 1 р. — коп.

Тоже т. 1. вып. II Минусинск 1923 г. 8º II+184. стр. с портр. автора

Содержание: **Н. М. Мартьянов** Флора Южного Енисея. . . . . 2 р. — коп.

Тоже т. II. вып. I. Минусинск 1924 г. 8º стр. 75.

Содержание: **В. Лучник.** Описательный каталог жуков-жужелиц Минусинского Края ч. I, II и III и **В. Кожанчиков.** Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского Края II . . . . . 1 р. — коп.

Тоже т. II вып. II Минусинск 1924 г. (8º) стр. 185.

Содержание: **Шестакович, В. Г.** Метеорологические наблюдения Буйбинской Биостанции (Саяны. хреб. Иргек-Таргак-Тайга) **Кожанчиков Л.** Буйбинская Высокогорная Биологическая Станция (24. XII. 1920—19. VII. 1922). **Кожанчиковы Л. и Н.** Промысловая охота и рыболовство в Минусинской тайге . . . . . 2 р. — коп.

Тоже т. II в. III. г. Минусинск 1924 г. 8º стр. 107.

Содержание: **Филипьев Н. Н,** Microheterocera Минусинского Края. **Мартынов, А. В.** К познанию Trichopthera Минусинского края 1. р. 50 коп.

Тоже т. III в. I Минусинск 1925 г. 8º стр. 83 . . . . . 1 р. — коп

Содержание: **Якобсон, Г. Г.** Жуки листоеды Южного Енисея **Четвериков, С С** Заметки по систематике почвиц Минусинского края **Филипьев, Н. Н** Новые и малоизвест. почвицы из Минусинского края. **Кожанчиков, В. Д.** Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского Края III

Кузнецов-Красноярский, И. Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарчжийского мира в 1774 г. Томск 1891 м. 8º 19 стр+III —р. 30 коп

Его-же Томский сын боярский Федор Протопопов Томск 1891. 8º XI+42 . . . . . 1 р. — коп.

Его-же Поездка г. Адрианова по южным частям Томской и Енисейской губернии летом 1883 года Критический очерк Томск 1895. 4º 21 стр. с картой . . . . . 1 р. — коп.

Его-же Исторические акты XVII столетия (1630—1699 г.) вып. II. Томск. 1897 г. 8º II+99 . . . . . 2 р. — коп

Его-же Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии. Томск 1902 г. 8º 37 стр с картой . . . . . 1 р. — коп

Его-же Рафлн. Памятники старинной русской письменности в Сибири. Томск. 1905. 8º 14 стр. . . . . — р. 35 коп.

Савенков, Ив. Каменный век в Минусинском Крае Москва 1897. 4º 87 стр. и 2 фототипии . . . . . 3 р. — коп.

Его-же Описание черепа собаки древней абаканской породы. Сепарата. 29 стр. . . . . —р. 30 коп

Ярилов, А. В защиту науки и приговоренных к смерти. Юрьев 1900. 8º 100 стр. . . . . 1 р. — коп

При выписке уплачивается 50% стоимости заказа и требуемые книги высылаются наложенным платежем на остальную сумму плюс почтовые расходы.

Оирлит. 1686. зак. № 575 Тираж 300.